

**GRÉGOIRE PISSAREVSKY. RECHERCHES SUR L'HISTOIRE DE LA
COLONISATION ÉTRANGÈRE EN RUSSIE AU XVIII-e SIÈCLE.
(D'APRÈS DES DOCUMENTS INÉDITS).**

Григорій Писаревскій.

**ИЗЪ ИСТОРИИ
ИНОСТРАННОЙ КОЛОНИЗАЦИИ ВЪ РОССИИ
ВЪ XVIII В.**

(По неизданнымъ архивнымъ документамъ).

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
Остоженка, Савеловскій пер., соб. домъ.
1909.

Впервые свою работу „**Вызов меннонитов в Россию**“ Григорий Писаревский опубликовал в 2 номерах журнала „**Русская мысль**“ за 1903 год. (за октябрь на стр. 49 - 72 и за ноябрь на стр. 85 - 102).

В 1909 году Григорий Писаревский опубликовал монографию „**Из истории иностранной колонизации в России в XVIIIв.**“ (По неизданным архивным документам) „Записки Московского археологического Института“ Том 5. Москва. Типография Снегирева. 340 страниц. В этой книге он описал проводимую в период правления Екатерины Великой заселение России колонистами из Европы. Свою работу „**Вызов меннонитов в Россию**“ он поместил здесь в виде отдельной главы и она в точности повторяет журнальный вариант.

В 1917 году Григорий Писаревский опубликовал новую книгу: „**Переселение прусских меннонитов в Россию при Александре I.**“ Ростов на Дону тип. Т-ва С.С. Сивожелезов и К°. 1917. 68 стр.

Профессор **Писаревский Григорий Григорьевич** (родился 7 октября 1868 г. в Ярославской губернии) преподавал в Москве, Варшаве и Баку. Им были опубликована следующие работы:

К истории иезуитов в России (вероисповедный вопрос в колониях Поволжья 100 лет тому назад)// Варшавские университетские известия. – 1912. – № 3. – С. 1–13.

Путешествие цесаревича Константина Павловича по Германии в 1825г, им самим описанное. Казань: Харитонов, 1913. - 99с

Внутренний распорядок в колониях Поволжья при Екатерине II. В "Варшавск. Университет. Изв." 1913, № 9. Отд. оттиск, Варшава, 1913/1914.

Иностранцы колонисты греко-российского исповедания в Поволжье. Труды Саратовской Ученой Архивной Комиссии. 1916. Вып. 33. С. 85–88.

Хозяйство и формы землевладения в колониях Поволжья в XVIII и первой четверти XIX века. – Ростов-на-Дону: тип. А.И. Тер-Абрамиан, 1916.

М.И.Кутузов. Баку, 1942.

Уничтожение в Закатальском округе зависимых отношений (Труды Института истории АН Азербайджанской ССР, 1947, т. I).

GRÉGOIRE PISSAREVSKY. RECHERCHES SUR L'HISTOIRE DE LA
COLONISATION ÉTRANGÈRE EN RUSSIE AU XVIII-e SIÈCLE.
(D'APRÈS DES DOCUMENTS INÉDITS).

Григорий Писаревский

**ИЗ ИСТОРИИ
ИНОСТРАННОЙ КОЛОНИЗАЦИИ В РОССИИ
В XVIII в.**

(По неизданным архивным документам)

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
Остоженка, Савеловский пер., соб. дом.
1909.

Содержание

I. Введение

II. Вызов колонистов в 1763 – 1766 годах

III. Водворение в Поволжье 1763 – 1766

IV.....

V.....

VI. Вызов христиан из Крыма (1778-1779 г.г.)

VII. Переселение шведов с острова Даго в Новороссийский край

VIII. Вызов колонистов из южной Европы

IX. Вызов колонистов из Данцига стр. 262 – 289

X. Вызов меннонитов в Россию стр 290 – 338

Заключение стр. 338-340

IX. Вызов колонистов из Данцига ¹⁾.

По первому разделу Польши, город Данциг оказался со всех сторон окруженным прусскими владениями. Уже во время этого раздела Пруссия добивалась включения Данцига в состав польских земель, доставшихся на её долю ²⁾, но встретила сильное противодействие со стороны России и Англии.

Несмотря на постепенное умаление в течение XVIII столетия торгового значения Данцига, последний ко времени первого раздела Польши все еще был значительным хлебным рынком: чрез него шло за границу польского хлеба около половины всего хлебного вывоза из Польши.

Не добившись на этот раз присоединения Данцига, прусское правительство предприняло ряд мер, которые должны были отвлечь торговлю от него в прусские города, главным образом в Эльбинг, и тем подорвать торгово-промышленное, а вместе и политическое значение Данцига.

Для достижения указанной цели, хлеб, шедший из Польши в Данциг и вывозимый из него морем, был обложен высокими пошлинами, между тем как прусские подданные, покупавшие польский хлеб и направлявшие его в Эльбинг, платили сравнительно ничтожную пошлину. Благодаря этому, хлеб в Эльбинге стоил дешевле, чем в Данциге, что привело к падению хлебной торговли последнего.

-----
¹⁾ 1. Московский Главный Архив Министерства Иностранных Дел:

а) „Дела колонистов 1786-1792 гг. Письма, полученные и отправленные коллежским асессором Траппе, вследствие возложенного на него поручения набирать в Данциге на казенный счет охочих людей к поселению в наместничествах, вверенных начальству князя Г. А. Потемкина, и отправлять их в Ригу". („О поселении в России иностранных колонистов и других выходцев").

б) "Сношения России с имперскими городами, III, Dantzig".

II. Государственный Архив XVI, 692: „О колонистах, переселенных в Екатеринославскую губернию из Корсики, Данцига и острова Даго". (Из дел князя Потемкина-Таврическаго).

²⁾ Соловьев, „История России", VI книга, 28 том, 857 стр.

„Многие иностранные корабли, привыкшие всегда ездить сюда за хлебом, — доносил своему правительству русский дипломатический агент в Данциге Семен Соколовский, — теперь уже предпочитают Эльбинг, находя там цену оному хлебу гораздо дешевле противу здешняго. Многие из оных кораблей сего лета (1787 г.) приходили прежде сюда, но не с товаром ужо, а только с балластом (sic), с которым потом и возвратились, переменя свой путь в Эльбинг, по причине, *что здешние купцы, платя прусскому королю высоте пошлины, не могут с уроном продавать товара своего, купленного у поляков за высокую цену*" ¹⁾).

На все другие товары, помимо хлеба, была наложена пошлина от 8 до 12 % стоимости, что, в свою очередь, подорвало Данцигскую („Доминикскую") ярмарку, на которую прежде являлись и русские купцы для закупки товаров: „Из России, — доносил вице-канцлеру графу Остерману упомянутый Семен Соколовский, — купцы сюда уже почти совсем покупать не ездят, единственно опасаясь прусских крайне высоких и разорительных нарочно вокруг Гданска (Данцига) разстановленных таможен" ²⁾).

Чтобы создать своего рода таможенную блокаду вокруг Данцига, прусское правительство захватило целый ряд местностей, принадлежавших этому городу и находившихся в его окрестностях. Самой тяжкой потерей для Данцига был захват пруссаками Фарвассерской гавани (или Фарвассера), чрез которую направлялась вывозная торговля Данцига.

Таможенные стеснения привели к развитию контрабанды в зимнее время, когда крестьяне по льду переправляли товары из Данцига, счастливо минуя прусские таможенные заставы; это еще с грехом пополам поддерживало вывозную торговлю Данцига зимой, но летом последний оказывался в отчаянном положении ³⁾).

Еще в худшем положении очутились данцигские ремесленники: благодаря высокой оценке в Фордонской ⁴⁾ таможене про-

-----
¹⁾ Москов. Глав. Арх. Мин. Иностран. Дел, Dantzig: письмо Соколовского к вице-канцлеру графу Остерману от 8/19 июля 1787 г.

²⁾ Там же: письмо Соколовского от 26 июля /6 августа 1787 г.

³⁾ „Lors de l'hiver la ville ne souffre aucun embarras pour son transport (ce qui est assez considérable) par le moyen du paysan, qui peut éviter les barrières prussiennes, passant par dessus le glaces. Ce n'est pas de même en été où il ne peut les éviter; le profit ainsi que le négociant tire de son commerce pendant le traînai?*, est porté, dès que la navigation est libre, dans les coffres prussiens pour fournir aux frais de la douane qui est exorbitante". — Письмо резидента Петерсона к графу Остерману от 2/13 марта 1787 г. (Dantzig).

⁴⁾ „Фордон (Fordon)--город в Бромбергском округе Познанской провинции (Пруссия) на левом берегу Вислы в 12 верстах от Бромберга". См.

возимых чрез нее товаров и соответствующему высокому обложению их, всякие заказы, приходившие раньше из Польши, прекратились, ремесленники были совершенно разорены. ¹⁾

Застой в торговле и промышленности тяжело отзывался на экономическом благосостоянии многочисленного населения Данцига; особенно плохо приходилось простому народу, жившему поденщиной и мелким ремесленным производством.

Крупные капиталисты, стоявшие во главе городского управления, еще кое-как переносили торгово-промышленный кризис, надеясь на помощь России, на её заступничество перед прусским правительством; „нижняго же класса люди, не имея великаго разсуждения и понятия о политических делах“, показывали „себя от того неинако, как ожесточенными и терпение потерявшими мятежниками“ ²⁾. Простому народу, не имевшему для себя насущного пропитания, конечно, было не до политики; для него недорого была теперь и политическая самостоятельность Данцига, и он громко заявлял, „что гораздо бы городу лучше умереть скоропостижно, т.-е. сдаться теперь в прусское подданство, нежели ожидать себе смерти в продолжительной болезни“ ³⁾.

Не ограничиваясь выражением своих сетований и пожеланий, „ожесточенные и терпение потерявшие мятежники“ от безработицы стали покидать Данциг и переселяться в другие соседние города; более же решительные из них начали являться к русскому резиденту в Данциге Петерсону и просили его отправить их в Россию для водворения в Херсоне ⁴⁾.

Ближайшим толчком для этой просьбы данцигского пролетариата явился манифест императрицы Екатерины II от 14 июля 1785 года ⁵⁾, незадолго пред тем обнародованный в иностранных газетах ⁶⁾.

„Всеобщий географический и статистический словарь“. Составил кн. С. П. Гагарин. Москва, 1843 года.

¹⁾ „Avec l'artisan il en est tout autre, celui-ci est tout à fait ruiné, les demandes qui venoient autre fois de la Pologne, n'existent plus, la raison en est a trouver clans la douane de Fordan“ (sic).

²⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Иностр. Дел: письмо Соколовского к гр. Остерману от 15/26 апреля 1787 г.

³⁾ Там-же: письмо Соколовского к гр. Остерману от 19/30 апреля 1787 г.

⁴⁾ Там-же: письмо резидента Петерсона к гр. Остерману от 2/13 марта 1786 года.

⁵⁾ Полное Собрание Законов, т. XXIII, № 16226.

⁶⁾ Несмотря на неудачный опыт вызова колонистов из Италии, манифест этот был обнародован, по распоряжению коллегии иностранных дел, в итальянской газете *Notizie del' Mondo*, Numero 75, Sabato 17 Settembre 1785. См. Москов. Глав. Арх. Мин. Иностр. Дел: сношения с Тосканой, V, Consulat, „Rapport, de Jean Calamai, Consul Général de Russie à Livourne“, от 17/28 октября 1785 г. с приложением номера означенной газеты.

Этим манифестом императрица приглашала иностранцев селиться в Кавказской губернии (а не в Херсоне) и обещала им, помимо свободного исповедания веры и невозбранного отправления обрядов ея, все права и выгоды „наравне с прочими" своими „подданными равнаго им звания, а также *освобождение на 6 лет от всякой государственной подати*; если бы же, по прошествии льготных лет, кто-нибудь из поселившихся по данному манифесту иностранцев пожелал выехать из пределов России, то обязан был при этом уплатить подать сразу за три года.

О возникшем среди жителей Данцига движении в пользу переселения в Россию резидент Петерсон донес вице-канцлеру графу Остерману (письмом от 2/13 марта 1786 г.); вскоре узнал об этом и князь Г. А. Потемкин, настойчиво хлопотавший о заселении вверенного его попечениям Новороссийского края.

Около этого времени великая княгиня Мария Федоровна (супруга великого князя Павла Петровича) рекомендовала князю Потемкину, как генерал-губернатору Новороссийского края, некоего коллежского асессора Георга Траппе ¹⁾.

Потемкин уважил рекомендацию великой княгини и принял Траппе к себе на службу ²⁾.

11 мая 1786 года Траппе обратился к Потемкину с письмом, в котором предлагал свои услуги для привлечения в Россию иностранных колонистов.

„Не только из прибавления к Гамбургской Газете под № 61 (par le supplément à la Gazette d'Hambourg sous № 61), — писал Траппе в означенном письме — но еще более по частным письмам известно, что затопление берегов Вислы только что принесло много вреда окрестностям Торна, и что большое число земледельцев разорено. Зная в совершенстве местность в этих краях, зная, насколько они населены, и имея там

-----
¹⁾ В письме на имя Потемкина Траппе говорит о себе следующее: „C'est, pendant le cours de 23 années que je eu l'occasion de me procurer assez de connaissances et quelque expérience soit pour les défrichements soit pour les améliorations de terres selon les principes excellents, solides et très applicables pour ce climat, de feu M-r de Brenkenhoff, l'homme, le plus célèbre en Allemagne pour les défrichements et pour l'établissement des colonies, comme il y a des personnes de distinction ici, qui en sont très bien informées".

Государственный Архив, письмо Траппе от 11 мая 1786 года.

²⁾ Траппе по этому поводу писал Потемкину: „A présent je suis persuadé, que son altesse impériale madame la grande duchesse a bien raison en soutenant, qu'il n'y a personne en Russie, qui ait tant d'attention pour sa recommandation que votre altesse". —

Государственный Архив, письмо Траппе от июня 1786 года.

много связей, я уверен, что Россия могла бы извлечь пользу из этого бедствия и могла бы привлечь несколько сотен семейств, будут ли то земледельцы, ремесленники или поденщики, тем более, что можно бы перевозить с удобством и малыми издержками в вольный город Данцига... я готов сам совершить путешествие в окрестности Торна, чтобы пригласить людей, крестьян ли, или иных, отправиться для водворения в ваших губерниях, в таком количестве, какое я мог бы склонить (autant que je pourrois persuader)" ¹).

Таким образом, в течение каких-нибудь двух месяцев, если не менее, Потемкин получил два указания на возможность привлечения в Россию иностранных колонистов и при том из районов почти смежных. Он не мог, конечно, остаться равнодушным к этим указаниям, столь гармонизировавшим с его обширными колонизационными планами, и вступил в переговоры с Траппе относительно поручения ему набора колонистов. Переговоры продолжались около месяца и в начале июня привели к заключению соглашения между Потемкиным и Траппе: тот и другой подписали взаимные обязательства ²).

Приводим существенные пункты этих обязательств в переводе на русский язык.

Обязательство Потемкина.

„Князь Потемкин поручит асессору Траппе совершить *путешествие в окрестности Данцига*, чтобы набирать *крестьянския семейства* для отправления и водворения в губерниях, которыя находятся под (его) управлением.

" 1. Князь Потемкин позаботится о том, чтобы резидент и консул ея императорскаго величества (в Данциге) получили необходимыя приказанія оказывать ему всякое содействие в случае надобности.

„2. Князь Потемкин велит уплатить названному асессору Траппе четыреста голландских дукатов на издержки по его путешествию и возвращению и сверх того тысячу рублей на вознаграждение его за чрезвычайныя расходы.

-----
¹) Государственный Архив.

²) Обязательство Потемкина помечено 5-м июня, обязательство Траппе 7-м; оба на французском языке.

„3. Будет определен в Данциге один торговый дом который будет доставлять (деньги) на издержки по путешествию и содержанию колонистов, лишь только они прибудут в Данциг.

„5. ¹⁾ Князь Потемкин обещает ассессору Траппе, если он успеет в своей комиссии, оказать содействие, к тому чтобы он получил чин надворного советника (*de s'intéresse a ce qu'il obtiene le rang de conseiller de cour*) и был помещен надлежащим образом на службу ея императорскаго величества".

Обязательство Траппе.

„На следующих условиях нижеподписавшейся ассессор Траппе договорился с его светлостью, г-м князем Потемкиным, *совершить путешествие*, чтобы приглашать людей, будут ли то крестьяне или иные, отправиться для водворения в Россию, в губернии, находящиеся под управлением его светлости (*à venir s'établir en Russie et dans les gouvernements dépendants des ordres de son altesse*), а именно:

„1. Названный ассессор обещает ехать немедленно, как только его светлости угодно будет его отправить, чтобы употребить все свои усилия на наборе и отправлении в Ригу или Петербург такого числа колонистов, какое он в состоянии будет склонить (*autant de colons qu'il pourra persuader*).

„2. Ассессор Траппе обязывается доводить (*de faire conduire*) колонистов до Риги или Петербурга, требуя, чтобы ему в Данциге было заплачено по 60 рублей ²⁾ на каждое семейство за издержки путешествия и пропитания до Риги или Петербурга, после чего и тотчас же, как прибудут колонисты, будет ли то в Петербурге или в Риге, ассессор считает себя свободным и слагает на корону заботу о дальнейшей перевозке колонистов.

-----
¹⁾ 4-й пункт обязательства кн. Потемкина по своему содержанию соответствует 4-му же пункту обязательства Траппе, которое приводится ниже.

²⁾ „Я еще вчера, — писал Траппе кн. Потемкину от 2 июня 1786 г., — имел случай в совершенстве осведомиться об издержках, которых могли бы потребовать перевозка и пропитание колонистов, и я знаю наверное, что по причине дороговизны, которую разливы Вислы причинили в этом году, эти издержки, пожалуй (*bien*), могут возрасти до суммы 60 рублей на каждое семейство. Но это всегда будет безделицей по причине той *великой выгоды, которую без сомнения доставит увеличение населения*". Государственный Архив.

„4¹⁾). Названный ассессор примет за правило набирать колонистов под условием, что они удовольствуются правами и преимуществами, дарованными иностранцам жалованными грамотами (манифестами) ея императорскаго величества²⁾, без права претендовать на казенное жалованье (*sans pouvoir prétendre des gages de la couronne*)”³⁾.

Сравнивая обязательства Потемкина и Траппе, мы находим, что договаривавшиеся стороны не вполне одинаково понимали задачу предстоящей „комиссии”. Потемкин определенно говорит о наборе *крестьянских семейств*, как элемента наиболее пригодного для колонизации, Траппе же обязывается принимать в колонисты *всех желающих*, „будут ли то крестьяне или иные”; Потемкин, основываясь на официальных сообщениях русского резидента Петерсона, имеет в виду набор колонистов именно в окрестностях Данцига, где не могло быть недостатка в охотниках эмигрировать, Траппе же говорит вообще о поездках для набора колонистов, не называя района, где он будет его производить. Таким образом, Траппе намеренно расширял рамки своей деятельности и открывал себе возможность осуществить свой проект о поездке в окрестности Торна и вообще в Познань. Этою возможностью, как увидим, он и воспользовался, хотя и без осязательных результатов.

Доведя до благополучного окончания переговоры с Потемкиным, Траппе немедленно и настойчиво стал хлопотать о своем отправлении за границу „без дальнейшей проволочки, которая могла бы повредить интересам короны”. Быстроту в исполнении задуманного плана и соблюдете строжайшей тайны он считал необходимым условием успеха своей „комиссии”: ради соблюдения тайны он находил даже излишним посвящать коллегии иностранных дел в порученное ему предприятие. „Я вас умоляю, — писал он Потемкину (от 7 июня 1786 г.), — приказать гг. Попову и Рибопьеру соблюдать тайну в этом деле; и чтобы избежать всякаго шума и подозрений, мне кажется излишним объявлять об этом предприятии коллегии иностранных дел (*le département des affaires étrangères*). Как я думаю, достаточно, чтобы ваша светлость соизволили подписать собственной рукой рекомендательныя письма к резиденту и кон-

-----
¹⁾ 3-й пункт обязательства Траппе соответствует 1-му пункту, а 5-й пункт 2-му и 5-му пунктам обязательства Потемкина.

²⁾ В обязательствах Потемкина „*par ukase de sa Majesté Impériale*”.

³⁾ Государственный Архив.

сулу в Данциге; ибо я не могу себе вообразить, чтобы был такой министр или консул ея величества, который не обратил бы всевозможного внимания на то, что исходит от вашей светлости. Это бесспорно, М. Г., что добрый успех моей комиссии зависит от (соблюдения) тайны, и чтобы все делалось без шума и, так сказать, украдкой" ¹⁾).

Находя, очевидно, соображения Траппе осповательными, кн. Потемкин в тот же день 7 июня написал и вручил ему два письма: одно к Семену Соколовскому, незадолго перед тем заменившему собою, в качестве поваренного в делах, резидента Петерсона, а другое — к русскому консулу в Данциге Карлу Фредстендеру.

9 июня Траппе получил паспорт из коллегии иностранных дел и в качестве „курьера“ чрез Данциг отправился в Польшу, в Познань. В Данциге он пробыл только три дня „скрытным образом“, остановившись на постоялом дворе Сюда явился к нему Соколовский, „дабы разведать точно о его комиссии“, но Траппе ничего ему об этом не сообщил, и равно не передал на этот раз и письма Потемкина.

О деятельности Траппе в Польше мы не имеем никаких известий, но, очевидно, его надежды на привлечение в Россию пострадавших от наводнения Вислы польских земледельцев не оправдались, и он через две недели ²⁾ принужден был вернуться в Данциг.

19 июля Траппе вручил Соколовскому „по секрету“ письмо кн. Потемкина. В своем письме Потемкин глухо говорил о „некоей секретной комиссии“ (d'une commission secrète pour la couronne), возложенной на Траппе, и просил Соколовского оказывать последнему, в случае надобности, всевозможное содействие. Сам Траппе устно объяснил Соколовскому, что эта „коммиссия“ состоит в том, чтобы „набирать всякаго сорту людей и на коронном коште отправлять их для поселения в некоторые росстйские провинции и города“, при чем от имени Потемкина запретил ему доносить об этом вице-канцлеру графу Остерману „до тех пор, пока он (Траппе) не увидит прежде, какой успех его комиссия здесь возымеет“. Это запрещение Траппе мотивировал тем, что „князь Потемкин парочно желает сию коммиссию скрытно чрез него в действо произвести,

-----
¹⁾ Государственный Архив.

²⁾ Москов. Глав. Арх. Мин. Ин. Дел. Dantzig: Письмо Соколовского к гр. Остерману от 13/24 августа 1786 года.

дабы тем ея величеству в угодность сделать" (т.-е. преподнести императрице сюрприз)¹⁾.

Тем не менее Траппе просил Соколовского представить его президенту Данцига, что тот и исполнил, но только частным образом, а не официально, так как не решался без ведома вице-канцлера сделать какие-либо представления Данцигскому правительству.

Тайна, которую Потемкин, по желанию Траппе, облек вызов колонистов из Данцига, поставила Соколовского в крайне затруднительное положение, причинила самому Траппе массу неприятностей и хлопот и задержала надолго успешное выполнение его „комиссии“.

Соколовский считал себя не в праве не доносить своему непосредственному начальнику, вице-канцлеру, о порученном Траппе наборе колонистов, но в то же время боялся, что, преступая волю кн. Потемкина, он наживет себе в нем опасного врага: поэтому он решил немедленно же обратиться к гр. Остерману „партикулярным образом“, послав ему одно за другим (20 и 23 шля ст. стиля) два секретных письма, и просил его „наставления“, как держать ему себя по отношению к Траппе. „Больше всего я в недоумении моем тревожусь, — писал между прочим Соколовский в письме от 23 июля — 3 августа, — что он (Траппе) требует от меня, дабы я ему дозволил в казенном здесь доме, в который я ныне жить перебрался, поместить несколько иностранных людей с фамилиями, кои он скоро сюда из окружных мест ожидает, и кои, по мнению его, должны неотменно жить и содержаться в российском доме до времени своего в назначенныя места отправления“.

Через четыре дня после отправления своего письма, Соколовский снова выражал гр. Остерману свое недоумение по поводу „комиссии“ Траппе:

„Ныне же не могу умолчать, — писал он в письме от 27 июля — 7 августа, — что в разсуждении известнаго уже находящагося здесь г. коллежскаго асессора Траппе я нахожусь в весьма затруднительных и опасных обстоятельствах по причине его тайной комиссии, о коей я к моему великому удивлению ни малейшаго от вашего сиятельства не имею наставления; но как между тем не вижу я из того еще ничего та-

-----
¹⁾ Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., Dantzig: письма

кого, которое бы могло стремиться противу интересов российской державы, а особливо, когда узнал я, что г. Траппе с неограниченным кредитом от придворнаго в С.-Петербурге банкира Сутерланда адресован здесь к поселившемуся в сем городе аглицкому купцу Элиоту, за благоразумийше почел оказывать ему возможные услуги, какия он от меня к успеху своей комиссии здесь требовать может. Я... надеюсь, что сим по верности к службе предосторожным поступком моим не окажусь безвинно виновным пред его светлостию, князем Григорием Александровичем Потемкиным, коего гнева я крайне опасуюсь".

Иногда на Соколовского нападало сомнение в подлинности врученного ему Георгом Траппе письма кн. Потемкина, так как до этого времени ему „еще никогда собственноручной онаго светлейшаго князя подписи видеть не случалось"; но вице-канцлер не спешил ответом на „доношение" Соколовского, хотя последний 3/14 августа 1786 г. отправил к нему „четвертое партикулярное писание", а 6/17 августа пятое, посланное уже с нарочным курьером, где просил удостоить его „скорым сведением о существе помянутаго секретнаго письма, подлинно ли оно подписано собственною светлейшаго князя Потемкина рукою" ¹⁾.

Между тем Траппе приступил к выполнению возложенной на него „комиссии".

На другой день по возвращении из Польши в Данциг, представленный Соколовским городскому президенту, бургомистру Пегелау (Pegelau), Траппе сообщил последнему о данном ему, Траппе, поручении набирать людей для отправления в Россию в качестве колонистов и спросил при этом, „не противна ли будет городу такая его комиссия?" Президент на это ответил, что раз поверенный в делах представляет ему г. Траппе, то он всему сообщаемому последним должен верить и думает, что город, во всем повинуюсь воле русской императрицы, не окажет в данном случае препятствия. Впрочем, президент заявил, что он "сделает прежде о том всему магистрату должное сообщение", от чего, однако, Траппе старался

-----
¹⁾ Позднее, в письме от 31 августа / 11 сентября 1786 г., Соколовский писал гр. Остерману: „истину говорю, что полученное мною чрез г. Траппе княжеское письмо (которое я вчера и сегодня, в угодность оному Траппе, принужден был некоторым из главных бургомистров показать) почитается здесь за фальшивое". Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Dantzig.

его отклонить, указывая на то, что такое сообщение лучше отложить „до тех пор, как нужда того потребует" ¹⁾).

После этого визита Траппе всеми мерами стал распространять в пароде сведения о данном ему поручении, „говорил без разбору со всеми ему на улице поавшимися людьми", разсылал повсюду с этой целью своих служителей и сам открыто ездил по деревням, находившимся в окрестностях Данцига, уговаривая крестьян к переселению в Россию.

Не довольствуясь этим, Траппе решил поместить в данцигских газетах публикацию о своей комиссии, „дабы все несумненно ведали о воле ея величества и о казенном для транспорта их коште". Однако типография не решилась печатать такую публикацию без разрешения местной цензуры, и Траппе вместе с Соколовским, вторично должен был отправиться к городскому президенту, чтобы испросить требуемое разрешение.

Президент „с важным видом" попросил тогда Соколовского представить об этом официальное требование от имени русского правительства. Не имея на этот счет предписания от вице-канцлера, Соколовский уклонился от такого шага и просил у президента позволения, по крайней мере, повторить старую публикацию, которая печаталась в Данциге, с разрешения магистрата, в бытность там резидента Петерсона; президент на это сказал, что „он сам собою не может дать никакого... ответа" и доложит требование Соколовского магистрату. Через день к Соколовскому был прислан городской секретарь и от имени магистрата объявил, что раз поверенный в делах не может дать письменного „представления" на требуемую публикацию, то магистрат „всеуниженнейше" просит его убедить Траппе отказаться от публикации, „для напечатания коей, он (магистрат), дозволение дать крайне опасается по причине как соседняго Пруссаго двора, который такое публичное дозволение поставил бы городу в предосудительный поступок ²⁾, так и потому, что *и сам г. Траппе не может по*

-----
¹⁾ Так говорит об этом посещении президента Соколовский в письме к гр. Остерману от 13/24 августа 1786 г., Траппе же в письме к тому же Остерману от 17 августа иначе передает ответ президента: („Bürgermeister Pegelau) expressis verbis uns erklärte dass, da diesser Ort eine frey Staat sey, der hiesige Magistrat niemanden, der freiwillig geneigt seyn möchte, sich nach Russland zu begeben, solches verwehren würde und glaube er, dass es an solchen Leuten nicht fehlen dürfte, indem die Noth und die Berdrängniss hier sehr gross sey". Москов, Гл. Арх. Мин. Ин. Дел: Дела колонистов" 1786—1792 г.

²⁾ Достоинно внимания, что само прусское правительство нисколько не стеснялось производить в Данциге вербовку солдат для своей армии. В своем

справедливости жаловаться, получа уже множество и без того охотников, к скорому отправлению в готовности находящихся, и что он должен и может быть тем доволен, что ему в том не препятствует здешнее правление, которое пред прусским и польским королями тем себя оправдать может, что на то город формального дозволения не дал, и запрещения тому не учинил единственно с великаго к России уважения".

Получив чрез Соколовского такой ответ магистрата, Траппе и не настаивал на своем требовании, тем более, что успех, его деятельности по вызову колонистов превзошел все его ожидания: особенно много, на первых же порах, склонил он к эмигрант в Россию крестьян из окрестностей Данцига, элемента наиболее пригодного для колонизации. Этот успех Траппе не без основания приписывал своему уменью обходиться с крестьянами и основательному знанию местного народного языка (Plattdeutsche Sprache)¹⁾. Итак, не настаивая больше на публикации в газетах, Траппе стал усиленно применять те приемы вызова, которые он практиковал до сих пор и которые и без того обеспечивали ему верный успех его „коммиссии“,

„С тех пор г. Траппе, — писал Соколовский гр. Остерману, —употребил все свое искусство обратить к себе народ и постарался прельстить оный частью обещаниями, а частью деньгами, па расплату долгов и на выкупку пожитков выдаваемыми, в чем ему и удалось: ибо *не только бедные городские жители, но и из окружных мест зажиточные менонисты к нему все кинулись* и толпами за ним бегали, называя его спасителем своим.

Г. Траппе... по желанию своему нарочно избрал себе особливо несколько покоев в партикулярном и недалеко от меня находящемся доме, в коем *с утра до полуночи безпрестанно люди набирались*, и который окружен был многочисленным народом, и, наконец, до того дошло, что в скором времени

письме к гр. Остерману от 16/26 июля 1787 г. Соколовский сообщал, что прусские гусарские солдаты, непрестанно шатающиеся по Данцигу, "не только в окружности по дорогам, но уже и в самом городе людей хватать и насильно отсюда в разные полки скрытно отсылать повеление имеют от своих шефов"; немного спустя, в письмах от 26 июля/6 августа и 30 августа/10 сентября 1787 г. Соколовский писал вице-канцлеру, что вербовка производится уже явно и насильно, „несмотря на приносимыя от магистрата прусскому резиденту формальныя о Том жалобы“, и что „все жители почти и за город выходить опасаются, видя повседневно разныя от того происходящия нахальства“. Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Dantzig.

¹⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел: письмо Траппе к гр. Остерману от 17 августа 1786 г.

*все в городе рукодельные мастера лишились работников своих, слуги и служанки не хотели долее у господ оставаться и никто о работе помышлять не заботился, а все единогласно кричали: в Херсон, в Херсон!"*¹⁾

При зачислении в колонисты желающих эмигрировать, „при сем крайне трудном и скучном, однакож с охотою исполняемом деле", Траппе соблюдал следующие „предосторожности" :

Отнюдь не принимал прусских уроженцев („ich ganz und gar keine Preussische Landeskinder angenommen, sondern solche abgewiesen habe").

Для тех „вольных" людей, которые не зависели от короля прусского, поставил за „conditio sine qua non" принятия в колонисты представление церковного свидетельства о крещении (Taufschein) или вида о месте рождения (Geburts-Brief), или „несомненнаго" паспорта (einen reinen Pass), дабы этим избавить себя от нареканий.

3. За многих людей платил мелкие долги и выкупал заложенные их вещи, в особенности же ткацкие станки, но отказывался принимать в колонисты тех, чьи долги были слишком велики.

Таким образом у Траппе записалось в колонисты 247 семейств, в том числе 35 семейств менонитов, „которые весьма искусны в сельском хозяйстве, очень знаючи в скотоводстве и для России особливо были бы полезны". Для перевозки этих семейств в Россию Траппе нанял уже корабль, снабдил его съестными припасами, и многие из эмигрантов принесли даже туда свои пожитки; в непродолжительном времени корабль должен был отправиться в Ригу, как вдруг случилось неожиданное препятствие: принятие Траппе „предосторожности" („dreifache Praecation"), оказывается, не избавили его от серьезных неприятностей.

Данцигская буржуазия, опасаясь с выселением в Россию бедного люда лишиться дешевых рабочих рук, „отважно" потребовала у магистрата „немедленно отвратить столь наглый набор (колонистов), от коего предстоит явная городу гибель". В то же время, несомненно из её же среды, нарочно был пущен в народе слух, что Траппе „под видом России от другой прислан державы подкупать людей и делать их потом

-----
¹⁾ Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., Dantzig: письмо Соколовского к ГДР. Остерману от 13/24 августа 1786 г.

вечными невольниками". Этот слух произвел волнение в народе, и у многих из его среды явилось тогда намерение „вломиться к г. Траппе в дом и там его арестовать".

Отчасти опасаясь волнений в народе, а больше уступая давлению со стороны буржуазии, магистрата, собравшись „в полное трех орденів заседание" ¹⁾, 5/16 августа послал своего секретаря к Траппе объявить ему „именем всего магистрата, с должною учтивостью, что нужны обстоятельства и самая Россия честь того требует, дабы он с того же часа перестал набирать людей, кои в замешательстве с глупости сами не знают, что делают".

В то же время магистрат задержал „до новаго ордера" приготовившийся к отправлению корабль с колонистами, а хозяину того дома, где жил Траппе, воспретил, под угрозой большого штрафа, терпеть там какой бы то ни было набор и впускать туда „вольных" людей для переговоров с Траппе и записи в колонисты.

Траппе протестовал против этих распоряжений и грозил за них магистрату возмездием со стороны русского правительства. Тогда магистрата послал другого своего секретаря к Соколовскому с просьбой уговорить Траппе, причем секретарь неофициально сообщил Соколовскому, что город, не имея никакого "удостоверения" со стороны русского правительства относительно комиссии Траппе, „находится в великом сумнении о сем удивления достойном и во Гданске еще не слыханном публичном наборе людей, коих городу ныне будет крайне чувствительно потерять".

„После такого внушения", Соколовский немедленно отправился к Траппе, „у котораго *пред домом столь было много народу, что с великим трудом протесниться, можно было*. Вошед к нему в покои, тесно людьми наполненные", Соколовский „не преминул советовать Траппе, дабы он... отложил на время комиссию свою, и вывел бы чрез то весь город из подозрения".

Таким образом Соколовский, не имевший никаких указаний от своего непосредственного начальства и не доверявший

-----
¹⁾ „Под именем трех орденів здешняго правительства разумеется: 1-й магистрат или ратсгеры, 2-й герихт или шепенгеры, а 3-й так называемый дрите орднунг или купечество и мещанство, числом сих последних сто человек, разделяющихся на четыре части и заседающих за четырьмя разными столами, имея каждая часть одного предводителя под именем квартирмейстера". Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, Dantzig: письмо Соколовского к гр. Осторману от 23 февраля/5 марта 1788 г.

Траппе, при столкновении последнего с магистратом принял сторону магистрата: оказалось, следовательно, что один агент русского правительства становится на дороге другому агенту того же правительства.

Раздраженный этим, Траппе, обращаясь к предполагаемым эмигрантам, собравшимся у него в квартире, кричал, что магистрат поступает несправедливо, „отнимая от них хлеб, который Россия им определяет, что Российскому двору не трудно будет сюда прислать несколько фрегатов, вооруженных для спасения народа им набранного, и что он все свои поступки оправдать может своею инструкцією. Последней он, однако, не показал Соколовскому ¹⁾, а стал в его присутствии читать народу манифест 1763 года на немецком языке.

Нежелание Траппе подчиниться совету Соколовского относительно приостановки набора колонистов еще более охладило взаимные отношения двух агентов русского правительства, обязанных идти рука об руку: недоверие их друг к другу возрастало, переходило в открытую вражду и вызывало взаимные обвинения. Траппе обвинял Соколовского в отсутствии патриотизма, а Соколовский Траппе — „в великой нескромности“, „нахальном хвастовстве“ и „непрестанном болтании пустых речей“, „каких бы не всякому и слушать было надобно и коими он, как слышно, навлек на себя и в городе Торн подозрение“. Соколовский изливал свои жалобы на Траппе графу Остерману и, между прочим, сообщал ему (в письме от 13/24 августа 1786 г.), что после принятых магистратом мер „уже за г. Траппе люди не бегают, однако, не для того, — наивно пояснял Соколовский, — чтобы они не хотели уже в Россию ехать, но единственно, что на его одну персону и речи доверяться не смеют, сообразуясь в том своему *магистрату, который, имея об них попечение, яко о детях своих, не может им легкомысленно дозволить так скоро оставишь сей город, не сведав прежде вероятно, в какия он отпускает их руки*“. Соколовский таким образом полагал, что магистрата, запрещая выселение бедному люду, заботится исключительно о благе последнего, а не об интересах правящего зажиточного

-----
¹⁾ Если верить показанию этого последнего; сам же Траппе утверждал противное. В письме к гр. Остерману от 26 сентября 1786 г. он писал следующее: „Ich habe ihm aus meiner vom Fürsten eigenhändig unterschriebenen Vollmacht den ersten Punkt lesen lassen, der ausdrücklich lautet, dass der Chargé d'Affaires mir in dieser Commission für die Crone, laut der an ihn ergangenen Orde allen nöthigen Beistand leisten würde. Aber das rührte ihn nicht, indem er dem Magistrat, zu gefallen die Sache offenbar gehindert und hintertrieben hat“.

класса населения, как было на самом деле. Из среды именно этого общественного класса распускались разные неблагоприятные слухи насчет „комиссии" Траппе. Помимо упомянутого выше слуха, что Траппе набирает колонистов не для России, был пущен другой слух, что он намерен отправить их хотя и в Россию, но не для императрицы, а для князя Потемкина, т.-е. для поселения не на государственных, а на лично князю Потемкину принадлежащих землях.

Теперь и Траппе, настаивавший раньше на сохранении своей комиссии в тайне, когда его дела приняли столь неблагоприятный оборот, решился с своей стороны писать к графу Остерману. 6/17 августа он отправил к вице-канцлеру свое первое письмо, в котором, сообщив сведения о сущности возложенного на него поручения, первых шагах своей деятельности в Данциге и неожиданно встреченном противодействии со стороны магистрата, просил дать предписание Соколовскому, чтобы последний сделал данцигскому магистрату „жестокий выговор за их незаконное и неместное поведение и накрепко наказал, чтоб оный впредь не отваживался запрещать волевым людям по собственному их произволению выезжать в Россию и поселяться", в особенности тем 117 семействам, за которых он. Траппе, заплатил их долги, и коим „производил" и теперь „производит" кормовые деньги.

При этом Траппе указывал, с одной стороны, на несправедливый образ действий магистрата, который дозволяет пруссакам беспрепятственно производить в городе солдатские наборы, и спокойно смотрит на эмиграцию в Пруссию, а с другой — на значительность ущерба, наносимого интересам России таким поведением данцигского правительства: „Я должен донести вашему сиятельству, — писал он в вышеозначенном, письме гр. Остерману, — что теперь дело состоит о толь важном приобретении, каковаго, может быть, в сем роде и с толь малым иждивением еще не было сделано для Херсона; что в числе принятых мною людей есть много нынешним летом из чужих краев сюда прибывших и пропитания здесь найти не могущих, как-то: ткачей шелковых, полотняных и бумазейных материи и проч., что здешний магистрат отнюдь не имеет права препятствовать здешним и иностранным людям переходить в Россию, когда заплатят они то, что следует, т.-е. или десятую долю или же нажитые ими долги".

Четыре дня спустя Траппе снова писал к графу Остерману. В своем письме (от 10/21 августа) он опровергал

ссылку магистрата на противодействие эмиграции в Россию со стороны Пруссии заявлением, сделанным ему, Траппе, прусским резидентом в Данциге Линденовским. Последний, явившись к Траппе, подробно говорил... о столь же неожиданном сколько и непростительном поведении данцигского магистрата, а также уверял при этом, что ему и в голову никогда не приходило ставить Траппе какие бы то ни было препятствия в деле принятия колонистов; что вся его обязанность в данном случае ограничивается наблюдением, чтобы не эмигрировали в Россию прусские подданные.

Но Траппе сам тщательно избегал их принимать, тем более, что у него не было недостатка в охотниках эмигрировать из числа данцигских жителей.

„В течение трех дней, — писал он гр. Остерману, — у меня явилось еще много людей, большею частью мелких землевладельцев, которые, так как они здесь едва владеют половиной морга земли, сильно побуждаемы были тем, что я им в полное и наследственное владение мог обещать, согласно своей инструкции, полученной от его светлости князя (Потемкина), 30 десятин земли с десятилетним освобождением от податей".

Многие из эмигрантов уже заплатили свои долги и обычные пошлины, взимаемые с отъезжающих, а также получили позволение от магистрата продать свое имущество с публичного торга, и в конце-концов совершенно неожиданно были задержаны в Данциге. Траппе справедливо жаловался на непоследовательность в поведении магистрата, а равно на иное отношение его к эмиграции в Пруссию.

„В прусския владения повседневно отправляются отсюда люди, и город не получает с них никаких пошлин за отъезд, и при всем том магистрат и не пикнет об этом. Ныне, хотя люди по своей доброй воле желают (переселиться) в Россию, и у них даже одежду на теле оценили и взяли с этого десятину, не хотят позволить (им) выехать".

В рассмотренных двух письмах, равно как и в третьем письме от 17/28 августа, Траппе не позволял еще себе задевать Соколовского, а ограничивался жалобами на данцигский магистрат, причем выражал уверенность, что дерзкое и несправедливое поведение последнего вызовет негодование и соответствующие меры со стороны вице-канцлера.

„Ваша известная миру заботливость обо всем, — писал он гр. Остерману, — что касается *высочайшаго блага России, именно*

увеличения народонаселения, позволяет мне надеяться, что вы милостиво соизволите распорядиться, чтобы здешний магистрат не смел более позволять себе возбранять свободным людям, которые заплатили свои долги и пошлины за отъезд, отправляться в Россию. Если это случится, то я могу здесь сделать такое приобретение, которое будет важнее, чем ваше высокографское сиятельство можете себе представить".

Однако надежды Траппе на вмешательство вице - канцлера в пользу его „коммиссии" были пока преждевременны: граф Остерман продолжал упорно хранить молчание, не отвечая на его письма, также как и на письма Соколовского ¹⁾.

Не получая ответа на свои представления, Траппе решил обойти препятствия, стоявшие на пути его „коммиссии", раз нельзя их было устранить. На прусском Фарвассере, следовательно на территории не подчиненной даниигскому магистрату, он зафрахтовал корабль и стал готовиться к отправлению на нем колонистов. Разрешение на это было дано командовавшим на Фарвассере полковником Пирхом, аудитор (auditeur) которого скрепил своею подписью контракт, заключенный между Траппе и хозяином корабля. Соколовский между тем согласился с своей стороны выдавать колонистам паспорта для отправления в Россию. Таким образом Траппе собрал 145 человек колонистов, посадил их на корабль и снабдил всем необходимым для путешествия: оставалось только отправить их в Ригу.

Но пока Траппе занимался снаряжением колонистов, отношение прусских властей к его „коммиссии" изменилось. По особому распоряжению, все отправлявшиеся чрез прусские границы и порты лица были изъяты из-под ведения полковника Пирха, и право выдачи им паспортов было предоставлено прусскому резиденту в Данциге Линденовскому. Последний же, несмотря на то, что сам уверял Траппе в противном, „говорил некоторым людям в откровенность", что *„его двор крайне на г-на Траппе коммиссию негодует в том мнении, что рано или поздно, по надобно со временем городу Гданьску быть под властью прусской короны"*. Зная отношения, существовавшие между Соколовским и Траппе, и желая затормозить дело эмиграции, Линденовский потребовал от русского поверенного в делах письменной декларации, что посаженные на корабль колонисты предназначены для русской „короны", а не для князя Потемкина:

-----
¹⁾ Московск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Д.: „Дела колонистов 1786—1792 гг."

без этой декларации он не хотел дать позволения на отправление корабля.

Соколовский, не получая от гр. Остермана ответа „на все многократныя" свои „партикулярныя отношения", не решался исполнить требование Линденовского и вообще боялся делать какие-либо официальные шаги в пользу „комиссии" Траппе: он склонялся к мысли, что Траппе не агент Потемкина, а самозванец и авантюрист, злоупотребляющий именем всесильного вельможи. Свои сомнения по этому поводу Соколовский письменно высказывал графу Остерману в следующих выражениях: „здесь (в Данциге) никто ему (Траппе) верить не хочет, почитая его совсем *за фальшиваго человека, за котораго и я могу ею признать, не получая, никакого об нем изъяснения*" ; (Траппе) „безстыдным образом здесь нахальствует именем нашего высочайшаго двора и сиятельнейшаго князя Потемкина, который, может быть, его совсем и не знает, и который, также станется, что и ко мне никогда письма не писал" ¹⁾).

Вследствие отказа Соколовского дать письменную декларацию, приготовленный к отправлению корабль был задержан на прусском Фарвассере, и эта задержка естественно причиняла русской казне излишние расходы по содержанию колонистов. „Непростительное поведение" Соколовского возмутило, наконец, Траппе, и он отправил на него жалобу графу Остерману в своем четвертом письме от 15/26 сентября 1786 г.: „Непростительное поведение г. Соколовского во всем этом деле, — писал Траппе вице-канцлеру, — служит причиной того, что корона терпит большой ущерб, так как если бы он не препятствовал из зависти к тому большому успеху, какой я имел, то я наверное мог бы послать в Россию из этой страны более, чем 400 семейств, большего частью сельских жителей" ²⁾).

В то же время Траппе письменно обращался к самому Соколовскому, указывая на странность его поведения и возлагая на него ответственность за тот ущерб, какой наносит он России своим образом действий.

„Декларация, которой от вас требуют, — писал он Соколовскому от 20 сентября/1 октября, — заключается в пас-

-----
¹⁾ Московск. Главн. Арх. Мин. Ин. Д., Dantzig: письмо Соколовского к гр. Остерману от 17 /28 сентября 1786 г. Позднее, в письме к вице-канцлеру от 1 (12) октября того же года Соколовский снова возвращается к своей *idée fixe*: „Здесь все заключают, что комиссия должна быть фальшивая, рассуждая по всем г-на Траппе принужденным движениям и хвастовству".

²⁾ Там же: „Дела колонистов 1786—1792 гг.".

партах, которые вы подписали своей рукой, и если вы желаете отнестись по совести, то увидите, что много рискуете, продолжая противодействовать патриотическим видам его светлости князя Потемкина, которые имеют целью интересы короны, и коль скоро вы находитесь в здравом уме, вы ни минуты не должны сомневаться в том, что князь Потемкин сделал вам честь написать.

„Впрочем, если вы имели малейшее сомнение, то поступили очень худо, представляя меня и рекомендуя это дело президенту города и выдавая паспорта. Кстати об этих паспортах: я не понимаю, как вы можете оставаться столь спокойным при виде того, как г. резидент Линденовский не желает принимать во внимание ваших паспортов, тогда как он подписывает без колебания те, которые дает магистрат этого города. Ах, подумайте хорошенько о том, что вы делаете, и что вы, наконец, будете ответственным за все, и что это ваша вина, что колонисты находятся в течете двенадцати дней на Фарвассере, не получая позволения уехать, что причиняет короне значительную трату, за которую вы без сомнения будете отвечать. Документы, которые я адресовал с г. Фейрингом (Feuring) князю Потемкину и его превосходительству графу Остерману, будут свидетельствовать против вас. Все, сколько ни есть здесь честных людей, открыто осуждают ваше настоящее поведение после тех шагов, какие вы сделали вначале. Словом, (enfin), я принял свое решение, и это будет не моя вина, если вы себя погубите, так как ваше упрямство является единственной причиной, что корона теряет столь значительно. Может быть, мы скоро увидимся с вами в Петербурге, и тогда вы узнаете, какие убедительные доводы я представил против вас и против ваших действий" ¹⁾.

Несмотря на все доводы и угрозы Траппе, Соколовский продолжал упорствовать. Еще до получения означенного письма его отношения к Траппе до того обострились, что он серьезно думал принять против него крайние меры.

Для меня сей злобный человек столь страшен, — писал Соколовский графу Остерману (от 17/28 сентября), — что я не смею теперь наедине с ним говорить, и, наконец, принужден буду для сбережения российской чести и моей жизни просить у города поставить ко мне на дом абвахту, или же прикажу его самого арестовать, яко сумнительнаго человека" 2).

-----
¹⁾ Москов. Гл. Арх. Мин, Ин. Д.: „Дела колонистов 1736—1792 г.г.". 2) Там же, Dantzig.

Эта угроза произвела, наконец, свое действие на вице-канцлера и заставила его прервать свое упорное молчание. В самом деле, если бы предположения Соколовского осуществились, произошел бы неслыханный скандал, тем более вредный для престижа России в Данциге, что в этом городе русское влияние должно было бороться с прусским. На этот раз граф Остерман немедленно же, с „нарочной стафетой“, отвечал Соколовскому:

„Сие намерение ваше нахожу я тем более странным, что вы, писав ко мне неоднократно и донося самому князю Григорию Александровичу об всех Трапповых поступках, должны были спокойно ожидать отсюда наставления; да и в подлинности помянутой комиссии не надлежало вам, конечно, сомневаться, ибо в противном случае были бы вы уведомлены по получении здесь о том перваго донесения вашего“.

"Вице-канцлер предписывал Соколовскому „способствовать" Траппе в отправлении колонистов, „без всякаго однако-же письменнаго представления" и обещал доставить ему на этот счет „нужныя повеления" в непродолжительном времени.

Сущность этих „повелений", доставленных Соколовскому с курьером Артемьевым, заключалась в следующем:

Соколовскому предписывалось „изъясниться" с президентом Данцига и выразить недоумение петербургского кабинета по поводу того, что „магистрат города, пользующагося великодушным покровительством" русской императрицы и „ощущающаго деятельные опыты ея благоволения, препятствует" свободным людям выезжать в Россию, „хотя он и по собственному его признанию... не мог таковым же людям возбранить переселенце в Ельбинг и другия места". Поведение магистрата тем более русскому правительству кажется странным, что в Данциге, как вольном городе, производятся даже наборы для иностранных войск. Что касается требования магистрата представить *письменное удостоверение*, что колонисты отправляются на поселение в Россию, то таковое излишне: достаточным доказательством этого являются паспорта, выданные колонистам от русскаго повереннаго в делах, — письменныя же представления с его стороны магистрату могли бы иметь место в том лишь случае, если бы приходилось требовать у города выдачи какого-нибудь преступника ¹⁾.

-----
¹⁾ Чтобы тем вернее подействовать на данцигский магистрат, „по партикулярному внушению" гр. Остермана, польский посланник в Петербурге Деболи согласился с своей стороны написать в Данциг „о неделании прелятствия в отпуске отправляемых" в Россию „людей".

Те же заявления о ненужности особых „письменных объявлений" должен был сделать Соколовский и прусскому резиденту Линденовскому, присовокупив, что в Россию выселяются вольные люди, „не имеющие в Пруссии никакой обязанности", и что в виду существующей между правительствами обоих государств дружбы естественно было бы ожидать от Линденовского „всякого облегчения и податливости, тем более, что, в вящшее удостоверение нанятаго корабельщика, заключенный контракт подписан был и со стороны королевскаго прусскаго полковника Цирха".

„Таковыми внушениями, которыя однако надлежит вам делать учтивым образом и по сношению с г. Траппе, — заключил свою инструкцию гр. Остерман, — потщитесь, государь мой, преодолеть встретившиися затруднения, да и вообще приложите крайнее старание, чтобы набранные оным асессором люди могли ехать свободно, и чтоб таким образом была к удовольствию здешнему исправлена порученная ему комиссия" ¹⁾).

Сделанные Соколовским, в силу этого предписания, представления магистрату сразу же возымели свое действие, и требуемое разрешение на отправление колонистов, было дано; что касается прусских властей, то они разрешили свободный пропуск чрез Фарвассер только „после многих разных затруднений" и „во уважение сильного употребленнаго" Соколовским „старания": лишь 21 октября/1 ноября, корабль, „нагруженный колонистами" в количестве 141 души, отправился в Ригу, простояв напрасно на Фарвассере целых шесть недель. Во все время этой утомительной стоянки колонисты, по свидетельству Траппе, „выносили свои бедствия и всю суровость этого времени года (осень) с мужеством, котораго" он от них „никогда не ожидал"; все обнаруживали страстное желание отправиться в Россию, и, несмотря на отсутствие охраны, ни один из них не убежал с борта корабля ²⁾).

Когда дело эмиграции, повидимому, наладилось, Траппе сам признался князю Потемкину, что сделал ошибку, не посвятив предварительно вице-канцлера в свою „коммиссию".

„Я сожалею безконечно, — писал он Потемкину (от 8/19 октября 1786 г.), — что я прибыл сюда без письма со стороны г-на гр. Остермана. Огражденный таким письмом, я имел бы

-----
¹⁾ Москов. Гл. Арх. Мин. Ип. Дел, Dantzig.

²⁾ Государственный Архив: Письмо Траппе к кн. Потемкину от 22 октября/ 2 ноября 1786 г.

удивительный успех в моей комиссии, и ваша светлость никогда не можете себе вообразить, как я возбудил здесь крайнее желание отправиться для водворения и обработки невозделанных земель в губернию, находящуюся под управлением вашей светлости. Результаты докажут, что несмотря на все каверзы и преследования, которым меня подвергали, я употребил здесь свое время хорошо и с усердием и с большой пользой для службы ея величества и патриотических видов вашей светлости; но это вещи, о которых я могу донести только устно или по возвращении, надеясь скоро иметь честь лично засвидетельствовать свое глубокое уважение вашей светлости, приготавливаясь, согласно вашим приказаниям, милостивый государь, к возвращению в Петербург, как только отправлю помянутых колонистов" ¹⁾).

За первой парией колонистов последовали новые отправления их в Ригу. Здесь ближайшее попечение о них впредь до отсылки в Кременчуг было возложено на контору английских купцов „Торлея, Морисона, Угтерлони и компании", а сопровождать колонистов от Риги до места назначения был командирован Потемкиным корнет Данило Гиршфельд. В ведение последнего поступила партия колонистов в 210 душ. Колонисты оказались „без всякаго одеяния", а потому, „в разсуждении их наготы" рижский губернатор Александр Андреевич Беклешов приказал вышеупомянутой конторе „построить" на них „самонужнейшее платье". Вообще, исполняя „повеление" Потемкина, Беклешов оказывал Гиршфельду „всевозможныя пособия": доставил ему нужное число унтер-офицеров, нанял для колонистов подводы до Кременчуга и сделал предписание о снабжении их в дороге всем необходимым. 5 декабря 1786 г. колонисты двинулись из Риги в Кременчуг ²⁾), куда прибыли уже в следующем 1787 г.

Между тем и сам Траппе сухим путем, чрез Пруссию и Курляндию, направился в Россию. В Курляндии он остановился на некоторое время и свое пребывание здесь решил употребить на привлечение в Россию новых эмигрантов из числа жителей Курляндии. В Либаве он принял в число колонистов несколько кораблестроителей и между ними одного англичанина, „человека очень способного, который обнаруживал страстное желание отправиться для водворения в Херсоне или Таганроге".

-----
¹⁾ Государственный Архив.

²⁾ Там-же: Рапорты Гиршфельда Потемкину от 24 и 28 ноября и письмо Беклешова к Потемкину от 5 декабря.

Со стороны дипломатических агентов русского правительства в Курляндии, — резидента барона Местмахера и консула в Либаве, майора Шуца — Траппе встретил полное сочувствие и поддержку; поведение их в этом случае, по словам Траппе, выгодно отличалось от поведения Соколовского: они не ссылались, как этот последний, на отсутствие приказаний со стороны своего начальства, но заявили, что со всем почтением, какое приличествует князю Потемкину, они считают себя обязанными содействовать „успеху *столь важнаго дела, каково, безъ сомнения, приобретение колонистов* для стран, которыя в них имеют столь великую нужду”.

С согласия и одобрения этих дипломатических агентов, Траппе напечатал записку (le billet) или рекламу, заключавшую приглашение переселяться в новороссийский край; распространение ея среди жителей Курляндии он поручил своим эмиссарам.

В то же время Траппе посвятил в свои эмиграционные планы жену барона Местмахера. Последняя возымела мысль предложить князю Потемкину несколько „внебрачных (désavoués) детей, рожденных не крепостными, но от свободных родителей, которые покинули эти бедныя создания”. Баронесса купила их себе, заплатив по 3-4 дуката за каждого ребенка, наняла им кормилиц и воспитывала их в своем доме. „Она желала отдать их мне, — писал Траппе Потемкину, — чтобы послать их с их кормилицами в Кременчуг, но я не осмелился их принять без именного приказанія вашей светлости. Что вы прикажете мне, М. Г., в настоящее время отвечать этой даме относительно ея единственнаго (в своем роде) предложения, но исходящаго от превосходнаго сердца? Если справедливо, как говаривал покойный прусский король (Фридрих II), что дети любви талантами и умом часто безконечно превосходят таковых же, рожденных в браке, то, быть может, ваша светлость будете иметь день приятнаго удовлетворения, видя великих гениев среди этих детей, воспитанных в вашем екатеринославском институте (воспитательном доме) на благо государства”.

Неизвестно, что велел Потемкин отвечать на оригинальное предложение баронессы Местмахер; деятельность же Траппе в Курляндии по набору колонистов вызвала жалобы со стороны курляндскаго правительства (Messieurs de la Régence do Courlande). Траппе оправдывался пред Потемкиным тем, что он принимал свободных людей, а не крепостных, и притом

набрал их столь небольшое число, что об этом не стоит и говорить; не принимать их — было бы с его стороны небрежением своею обязанностью, так как это были люди очень полезные для России. Жалобы же курляндского правительства Траппе объяснял интригами и завистью пруссаков.

„Чем более я размышляю,—писаль он Потемкину, — тем более мне кажется, что ваша светлость с городом Херсоном и в этом самом случае находитесь (в таком же положении), как славной памяти Петр Великий с Петербургом. Все завидовали этому великому человеку, всем успехам, какие он старался сделать, привлекая иностранцев, и я припоминаю, что знал многих Стариков в Германии, которые мне часто рассказывали, что завистники России ему делали много затруднений, стараясь ложными слухами напугать людей, которые желали отправиться в Петербург, говоря им, что они рискуют погибнуть от голода в болотах Ингрии, что никогда там не видать цветущаго города. Но вся Европа видит с изумлением то, чем сделался Петербург, и как Петр Великий сумел победить все препятствия. Я надеюсь и желаю жить столько, чтобы видеть, как необыкновенный гений вашей светлости сумеет также победить все препятствия, чтобы довести до цветущаго состояния (*pour faire fleurir*) торговлю Херсона и других водворений, столь важных для империи, что не преминет сделать вашу славу бессмертною“.

Зависть Пруссии, по объяснению Траппе, в частности поддерживалась тем обстоятельством, что следом за ним из Данцига на её территории направились в Россию целыя толпы колонистов, в свое время задержанных каверзами магистрата и интригами пруссаков. Подобным колонистам приходилось направляться сухим путем чрез Курляндию, и Траппе поручил их заботливости барона Местмахера и консула Шуца ¹⁾. Как и раньше отправленные морем на Ригу, эти колонисты прибыли в Новороссийский край уже в стедующем 1787 году.

Вслед за первой партией колонистов и сам Траппе направился на юг России, где он и провел большую часть 1787 года ²⁾, не переставая хлопотать о лучшем устройстве

-----
¹⁾ Государственный Архив: Письмо Траппе к Потемкину от 9 февраля 1787 г. из Клева.

²⁾ „Ich bin seit Novbr. 1786 bis Novbr. 1787, also in Jahresfrist“, говорить о себе Траппе в письме к Соколовскому, „mehr als 1300 Meilen gereiset, habe viele Menschen kennen gelernt, habe in Taurien mit vielen Tatarischen Mursen, ja mit gemeinen Tataren Umgang gehabt“... Москов, Главн. Арх. Мин. Ин. Д.

участи прибывших, а также имевших еще прибыть туда колонистов. В письмах Потемкину (из Киева) он советовал не задерживать в Риге подолгу тех колонистов, которые явились после отъезда оттуда корнета Гиршфельда, „чтобы сберечь на расходах по их прокормлению, которые в Риге чрезмерны, и чтобы иметь их на местах, дабы они могли начать свою работу будущей весной". Продолжительное оставление колонистов в праздности ¹⁾ он считал вредным для успехов колонизации и рекомендовал скорейшее водворение их на местах, для чего прежде всего нужно было озаботиться постройкой домов: немедленную постройку их Траппе находил настолько необходимой, что, в случае невозможности произвести ее в течение 1787 года для всех колонистов, советовал приостановить на время дальнейший прием последних.

Среди данцигских выходцев были не только земледельцы, но и горожане-ремесленники: для первых Траппе ходатайствовал пред Потемкиным о выдаче субсидий на один год, для вторых же находил ее вредной, чтобы они, оставаясь праздными, не сделались лентяями; он советовал распределить их по городам, „где в них могут иметь нужду, как, напри., в Херсоне, где недостаток во многих ремесленниках" ²⁾. Наконец, Траппе проектировал учреждение, из людей деятельных и честных, особой колонизационной комиссии, которая бы имела право сноситься непосредственно с князем Потемкиным о важных делах ³⁾.

Выказывая сам большую заботливость о колонистах и побуждая к тому же князя Потемкина, Траппе имел в виду не только с самого же начала положить прочное основание иностранной колонизации на юге России ⁴⁾, но и привлечь из-за

-----
¹⁾ „Праздные и необузданные" эмигранты своим поведением доставляли Траппе не мало хлопот, и ему приходилось по отношению к ним играть роль судьи и даже пастора

²⁾ Между прочим, Траппе рекомендовал Потемкину для Херсона одного данцигского трактирщика на том основании, что в Херсоне не имеется гостиницы, и прибывающие туда во множестве иностранцы, чтобы полюбоваться этим городом, этим созданием творческого гения князя, могут оказаться без всякого пристанища, на мостовой. Государств. Арх.: Письмо Траппе к Потемкину от 9 апреля 1787 года.

³⁾ Государств. Архив: Письмо Траппе к Потемкину от 7 февраля 1787 г. из Киева.

⁴⁾ Траппе не чужда была мысль о создании особой образцовой колонии, которая служила бы примером рационального ведения хозяйства для окрестных жителей. Восхищаясь в письме к Потемкину от 9 апреля 1787 г. плодородием и обширностью поместий, приобретенных этим вельможей в пределах тогдашней Польши у князя Любомирского, Траппе присовокупил: "Но очень жаль. М. Г., что ваши крестьяне по ту сторону (de ce côté la), поляки (les polonois)

границы новая толпа эмигрантов. Пред князем Потемкиным он рисовал картину широкой переселенческой волны, которая неминуемо должна хлынуть из разных стран Германии в Россию, коль скоро цветущее состояние новооснованных колоний делается общеизвестным и несомненным фактом. В письме от 7 февраля 1787 года из Киева Траппе, между прочим, писал Потемкину:

... „Страстное желание отправиться для водворения (подведомственных вам) губернии все продолжается в Германии, и особенно в Пруссии, с энтузиазмом, который много превосходит, мое ожидание. Ни злостно распространяемые газетами ложные слухи, которые я успел опровергнуть, ни прусские козни, ни каверзы дапцигского магистрата не могли воспрепятствовать эмиграции, так что, если ваша светлость этого очень желаете, то я мог бы вам доставить 500 семей и быть может еще более... Поистине ныне самое благоприятное время для того, чтобы привлечь большое число колонистов со стороны Данцига; ибо вполне достоверно, что ныне царствующий король имеет более, чем когда-либо, значительную партию в Данциге, которая открыто говорит о своем намерении оставить польского короля и подчинить город прусскому королю. *Крестьяне и в особенности меннониты, эти добрые земледельцы, сильно боятся этой фатальной катастрофы*, питая отвращение к прусскому ярму, — вот почему они обнаруживают столь сильное желание отправиться для водворения в наши губернии.....

Также в пределах Мекленбурга много людей, которые обнаруживают желание водвориться в Тавриде или в окрестностях Херсона, — можно посадить их на суда в вольном городе Любек. Я только что получил очень добрые вести со стороны Рейна, а именно из Франкфурта на-Майне. Надлежит только совершить туда путешествие, и ваша светлость можете иметь оттуда виноградарей, крестьян, мастеровых, возделывателей табака... Все будет зависеть от распоряжений, какия ваша светлость сделаете для доброго помещения колонистов, и от ваших приказаний, чтобы заботились о них и чтобы не пренебрегали

находятся, так сказать, еще в младенчестве по отношению к возделыванию земель. Вот почему я осмеливаюсь предложить вашей светлости основать там колонию из добрых немецких поселян, чтобы возбудить соревнование. Если вы пожелаете верить мне управление таковой колонией, М. Г., то я ручаюсь вам, что озабочусь доставлением отборных людей, которые могут служить образцом хорошей колонии не только для Польши, но и для России".

ими в начале, что самое трудное. Это — существенный пункт, но, М. Г., ваша мудрость и ваше могущество сумеют победить все препятствия".

Осуществление этих обширных эмиграционных планов предоставлялось на долю ближайшего будущего, а пока деятельность Траппе в Данциге в течение 1786 г. привела к переселению в Россию в общей сложности девяти сот десяти (910) душ, в том числе 510 мужского и 400 женского пола. Из них 49 человек мужск. пола и 24 женск. бежали, 8 мужчин и 1 женщина умерли, а 49 мужчин поступило в военную службу, причем за ними последовали 24 женщины. Остальные колонисты — 404 души мужск. и 351 женск. пола были водворены в Таврической области и Екатеринославской губернии ¹⁾, а именно: 14 семейств поселено в шведской колонии, где оказалось более 40 необитаемых домов, 21 семейство образовало особую колонию, сперва называвшуюся немецкой, а впоследствии, по переводе её на новое место, получившую название *Старого Данцига* (в Елизаветградском уезде Херсонской губернии), остальные частью были водворены в Крыму, часию расселились по городам ²⁾).

Все эти колонисты получили от имени своей родины название — *Данцигских*.

Как уже выше упоминалось, данцигские переселенцы получили десятилетнюю свободу от податей. Срок этой льготы истек в царствование императора Павла в 1797 году, с которого они стали платить подати наравне с государственными крестьянами тогдашней Новороссийской губернии ³⁾).

-----
¹⁾ В. А. Бильбасов, Исторические монографии, том III, стр. 463 („Екатерина II и В. В. Кяховский“).

²⁾ Еще в Марте 1787 года Траппе отправил 13 семейств в Севастополь. См. Госуд. Архив: письмо Траппе к Потемкину от 9 апреля 1787 г. из Киева.

³⁾ Полн. Собр. Закон, т. XXVI, № 19372. См. также Журнал Министерства Государствен. Имущества 1854 г., август: „Историческое обозрение водворения иностранных поселенцев в России“, стр. 64—65.

Х. Вызов меннонитов в Россию ¹⁾.

Меннониты получили свое название от основателя их секты, бывшего католического священника Симониса Меннона (1496—1561 гг.), голландца по происхождению, усвоившего учение анабаптистов в его основных пунктах. Впрочем, сами последователи Меннона не особенно охотно усвоят себе это наименование, так как один из главных их принципов — отрицание какого бы то ни было человеческого авторитета в области религии; они желали бы быть известными просто под именем христиан, отличающихся от остальных христианских исповеданий своим отношением к *таинству крещения*: последнее они *совершают только над взрослыми*, которые в состоянии дать отчет в своей вере, сознательно отнестись к этому акту.

Другую особенностью вероучения меннонитов является *отрицание присяги и военной службы*.. „Они осуждают войну и употребление орудия, хотя многие среди них думают, что есть случаи, когда можно защищать свою жизнь, свою личность, свою честь против несправедливого зачинщика", лишь бы это делалось „без страсти ненависти и мести". Сомнение в законности войны не препятствует, впрочем, меннонитам жертвовать своим имуществом для защиты отечества во время войны и даже

-----
¹⁾ 1. Московский Главный Архив Министерства Иностранных Дел:
а) „Дела колонистов 1786—1792 гг. Письма, полученные и отправленные коллежским асессором Траппе, вследствие возложенного на него поручения набирать в Данциге); на казенный счет охочих людей к поселению в наместничествах, вверенных начальству князя Г. А. Потемкина, и отправлять их в Ригу" („О поселении в России иностранных колонистов и других выходцев").
б) „Сношения России с имперскими городами", III, Dantzig.
И. Государственный Архив, XVI, 692:
„О колонистах, переселенных в Екатеринославскую губернию из Корсики, Данцига и острова Даго" (из дела князя Потемкина -Таврического).

своей жизнью, не посягая, однако, при этом на жизнь других. Так, были случаи, что они с самоотвержением занимались тушением пламени бомб, бросаемых неприятелем в осажденный город (Грёнинген в Голландии).

Меннониты воздерживаются также от исполнения *судейским обязанностей* и вообще обязанностей государственной службы, но не осуждают лиц других вероисповеданий за несете этих обязанностей.

Что касается положительной стороны их вероучения, то, признавая, как и прочие протестанты, единственным источником веры священное писание, меннониты ограничиваются принятием тех положений, которые ясно выражены в так называемом апостольском символе.

По учению меннонитов, „должно не только терпеть, но и признавать за братьев и членов одного и того же вероисповедания всех тех, кои, исповедуя себя учениками Христа, чтут авторитет священного писания и не бесчестят своего исповедания своими порочными обычаями". На этом основании они допускают к св. причащению последователей какого бы то ни было христианского вероисповедания, лишь бы они исповедали Иисуса Христа своим Спасителем и не позорили своего исповедания дурным поведением.

Принятием основных догматических положений анабаптизма, в особенности же своим отношением к таинству крещения, меннониты дали повод смешивать их с фанатиками-анабаптистами, стремившимися разрушить старое общество и на развалинах его воздвигнуть новое; в действительности же учение меннонитов, в отличие от анабаптизма, носит чисто-религиозный характер: Меннон отверг воинствующее, политическое сочинение.

Смешение последователей Меннона с анабаптистами вызвало сильное гонение на них со стороны правительств западно-европейских государств: голова самого Меннона была оценена Карлом V, который своим указом от 1540 г. предписал меннонитов, а равно и лиц, дающих им у себя приют и укрывающих их, казнить самыми жестокими казнями.

Во время гонений оказывались среди меннонитов и „падшие“, из страха перед казнью отрекавшиеся от своих верований; когда же гонения на время затихали, возникал естественно вопрос об отношении меннонитской религиозной общины к

падшим своим сочленам; этот вопрос пришлось решать меннонитам еще при жизни основателя их секты.

Более строгие, радикальные элементы меннонитской секты, во главе с Дирком-Филиппом, требовали отлучения от секты всех падших, без права возвращения в нее, более же умеренные соглашались на их воссоединение. Это вызвало раскол в секте. Сам Меннон, несмотря на все свое миролюбие и снисходительность, в конце-концов должен был примкнуть к радикальному большинству. Умеренная партия, отлученная от секты, соединилась с ватерландами, жителями одной из голландских Провинций, и образовала огромную секту *либеральных тауфгезинтов*, тогда как радикальная партия удержала за собой название меннонитов. Строгих меннонитов стали впоследствии называть *утонченными*, а либеральных — *грубыми* меннонитами.

Среди всеобщих гонений, которым подвергались меннониты в XVI, а в некоторых местах и в XVII столетиях, являлось исключением благосклонное отношение к ним польского правительства.

Поэтому около 1540 г., в царствование Сигизмунда I, значительное число меннонитов охотно переселилось из Нидерландов в Западную Пруссию и водворилось между гор. Данцигом, Эльбингом и Маргенбургом, на так называемой мариенвердерской низменности. Последняя состояла в то время из болот, песков и солончаков, заливаемых то рекою Вислой, то морем. Меннониты вскоре осушили болота, оградили низменные места со стороны моря и реки различными искусственными сооружениями и земляными плотинами, уничтожили пески и солончаки и превратили бесплодную до того времени местность в тучные нивы, луга и сады¹⁾.

После первого раздела Польши одна часть поселившихся здесь меннонитов вошла в состав прусского королевства, другая — оставалась во владениях города Данцига. И те, и другие вскоре почувствовали на себе все невыгоды для них совершившейся политической катастрофы.

В видах удержания своего хозяйства на должной высоте, меннониты не признавали возможным допускать дробления сво-

-----
¹⁾ Москов. Гл. Арх. Мин. Иностр. Д.: Дела колонистов 1786 -1792 гг., „Extrait de l'Encyclope`die du Dictionnaire universel raisonne` des connaissances humaines, imprime`a` Yverdon. 1770. Tome II, voyez pag. 469". Православное Обозрение, 1861 г., 6 т., „Общество анабаптистов" (ст. А. Вишнякова).
А. Клаус, „Наши колонии" (4 гл. „Меннониты").
Энциклопедический Словарь, изд. Брокгауз и Эфрон, полутом 37, стр. 93 "Меннониты").

их земельных участков; для вновь прибывавших, путем естественного прироста, членов их общины обыкновенно приобретались новые участки на стороне; тесная сплоченность и зажиточность меннонитов доставляли им необходимые для этого денежные средства. Но очевидно, что такое расширение площади меннонитского землевладения приводило к обезземелению коренного населения, более слабого экономически и менее сплоченного, а „в Гданской округе“ к тому же переживавшего и тяжелый торгово-промышленный кризис. Ничем другим по крайней мере нельзя объяснить сделанного данцигским магистратом в 80-х годах XVIII в. постановления о воспрещении меннонитам покупки земель в „Гданской области“, о чем писал Георг Траппе, вызывавший в Россию колонистов из Данцига, в своем письме к вице-канцлеру графу Остерману от 6/17 января 1788 г.¹⁾. Это воспрещение поставило меннонитов в весьма затруднительное положение. Если часть коренного населения Данцига и его округа могла еще рассчитывать на улучшение своего положения в случае перехода Данцига под власть Пруссии, что, по общему тогда убеждению, скоро ли, долго ли должно было случиться, то для данцигских меннонитов эта перемена подданства представлялась „фатальной катастрофой“: их пугал полицейско-милитаристический характер прусского государства, они с ужасом думали о „прусском ярме“ и имели для этого свои основания. Их единоверцы, перешедшие по первому разделу Польши под власть Пруссии, рано стали подвергаться там ограничениям своих прав. В 1780 г., взамен рекрутской повинности, на них была наложена подать в 5,000 тал. на содержание кульмского кадетского корпуса, а девять лет спустя прусское правительство, по примеру данцигского, лишило их права приобретать земельную собственность; исключение в этом

-----
¹⁾ Это ограничение прав меннонитов состоялось не позднее 1786 г., когда они отправляли своих депутатов в Россию для приискания себе мест поселения в Новороссии и для переговоров с русским правительством об условиях водворения там, - посылку меннонитами депутатов в Россию Траппе считает прямым следствием воспрещения им покупать земли в Данцигской области: „Когда он (данцигский магистрат) или высоко и благомудрые правители весьма неблагоприятно запретили здешним меннонистам в Гданской области покупать земли, (за истину чего я отвечаю), то сами подали повод, что добрые, трудолюбивые и рачительные люди принуждены были отправлять нарочных к её императорскому величеству и... на тех, кому безразсудным образом от самих их запрещено за наличные деньги покупать недвижимыя имения, нельзя досадовать, что принимают они в дар на каждую семью в потомственное владение по 65 десят. земли от щедрой и благотворительной монархии...“ Моск. Гл. Арх. Мин. Иностр. Д.: Дела колонистов 1786—1792 гг.

случай делалось лишь для тех меннонитов, которые соглашались подчиниться рекрутской повинности¹⁾).

Подвергаясь стеснениям в Данцигской области в настоящем и опасаясь прусского режима в будущем, меннониты естественно начинали приходить к мысли об эмиграции избытка их населения в какую-либо другую страну, правительство которой согласилось бы предоставить им, сообразно с их верованиями и бытом, некоторые особые права и преимущества. Прибытие в Данциг в 1786 г. Георга Траппе, которому кн. Потемкин поручил набирать колонистов для Новороссийского края, пришлось для меннонитов как нельзя более кстати.

Траппе обратился с приглашением эмигрировать в Россию одновременно к меннонитам и лютеранам, и сам лично, и через своих агентов описывая все выгоды поселения в Новороссии. На данцигских протестантов, лютеран по вероисповеданию, не объединенных в одну сплоченную религиозную общину, увещания Траппе имели более решительное действие, чем на меннонитов, и он еще в течение 1786 г. отправил в Россию значительное их число²⁾; что же касается меннонитов, то они не соглашались переселяться на общих с прочими колонистами условиях, а требовали себе исключительных! прав и преимуществ, и сверх того желали предварительно получить точные сведения о тех землях, которые им будут отведены для водворения. Эти обстоятельства делали необходимым отправление в Россию со стороны меннонитов уполномоченных для непосредственных переговоров с кн. Потемкиным и для выбора себе подходящих мест для водворения. Такими уполномоченными или депутатами от 270 меннонитских семейств явились некие — Яков Геппнер Иоганн Бартч.

22 сентября 1786 г. они заключили с Траппе относительно своего путешествия в Россию особый, засвидетельствованный нотариусом, договор, коим выговорили себе следующие условия:

- а) как в пути, так и во время пребывания в „Херсоне“ (т.-е. в Новороссийском крае), каждый из депутатов получает „для пропитанья“ по четыре (4) голландских червонца или по одиннадцати (11) рублей в месяц;
- б) на путешествие водою и сухим путем до Херсона и весною следующего (1787 г.) обратно до Данцига, чрез Варшаву или С.-Петербург (по усмотрению кн. Потемкина), депутатам выдаются „путевыя деньги“;

-----
¹⁾ Клаус, „Наши колонии“, стр. 115.

²⁾ См. выше: „Вызов колонистов из Данцига“.

- в) как в пути, так и во время пребывания в Херсоне депутаты пользуются „свободными“, т.-е. бесплатными квартирами;
- г) если на следующую весну прибудет в Россию около двухсот семей меннонитов, то кн. А. Г. Потемкин выхлопочет депутатам у императрицы „щедрое награждение“ за их труды и старание;
- д) по прибытии в губернии, подчиненные кн. Потемкину депутаты являються к местному начальству, которое будет оказывать им всевозможное содействие „к безопасному их проезду и к осмотру“ незаселенных еще казенных земель, чем „самым делом споспешествовано будет“ патриотическим стараниям кн. Потемкина о *колонизации помянутых земель и умножении населения*¹⁾.

Депутаты меннонитов отправились в Россию вместе с первой парией „данцигских колонистов“, причем Траппе рекомендовал их особенному вниманию и покровительству кн. Потемкина.

„Вот депутаты меннонитов,—писал он Потемкину (в письме от 19/30 октября 1786 г.),—о которых я имел честь предупредить вашу светлость своими рапортами. Это очень хорошие люди, весьма опытные земледельцы, и я знаю наверное что будущей весной мы будем иметь двести семейств и более этих добрых крестьян, которые не бедны и все обнаруживают большое желание отправиться для водворения в губернии. находящиеся под вашим управлением“.

При этом Траппе указывал Потемкину, что успех эмиграции меннонитов в Россию будет зависеть от того приёма. какой встретят там их депутаты, и просил сделать распоряжение об исполнении заключенного им с ними договора²⁾,

От Риги депутаты поехали отдельно от колонистов, с большою поспешностью: 15 ноября 1786 г. они были уже в Дубровне и представились местному начальнику, подполковнику фонь-Сталю. „Сей достопочтенный муж, преисполненный добросердечия и благородной немецкой честности“³⁾, знал меннонитов еще со времени Семилетней войны, когда нередко бывал

-----
¹⁾Государственный Архив. В подписи под означенным договором или „обязательным“ письмом Траппе титулует себя „российским императорским коллежским ассессором и поверенным в принятии колонистов для высокой короны“

²⁾ Государственный Архив.

³⁾ Отзыв немецкой печатной рекламы (Госуд. Арх.).

в их деревнях, и теперь принял в их судьбе сердечное участие. „Я сих людей посылаю к вам прямо в Кременчуг, — писал он тамошней администрации, — удостойте их милостиваго вашего попечения и старайтесь, чтобы им были отданы лутчия около Днепра земли, яко имеющие выгоднейшее для их заведения положение, а особливо когда они изобилуют паствами и лугами" ¹⁾).

Выбор мест для поселения Потемкин предоставил самим депутатам. В сопровождении секунд-майора Мейера они обзрели „порожжия" земли в Павлоградском, Славянском и Бахмутском уездах, но не нашли среди них подходящих для своего водворения: некоторые земли оказались безлесными, другие — гористыми и безводными, а третьи — „и совсем к прожитию неудобными". Тогда Потемкин обратил внимание депутатов на так называемые долины Зеленую и Черную и урочище Молочные Воды, но депутаты и эти места не нашли для себя „выгодными" и отказались от поселения на них. Свой отказ они мотивировали следующим образом:

„Так называемая Зеленая долина, лежащая в 60 верстах от Бериславля, есть совсем безводная, а равномерно и Черная, сопряженная с такими же неудобствами и застраивающаяся уже для других поселенцев. Молочные Воды удалены не только от Бериславля на 180 верст, но и от всех прочих промышленничьих мест и городов; находящаяся там и впадающая в неподвижное их озеро пять рек не имеют никакого сообщения с другими судоходными водами и теряют свое течение в середине самой твердой земли; самая земля не есть добрая, черная, но в целой степи состоящая из илу и серопесчаной земли, а что всего для нас важнее, то во всей сей стране ни малейшего следа не находится какого-либо кустарника" .

Депутаты, впрочем, безусловно отказывались только от Зеленой и Черной долин; что же касается урочища Молочных Вод, то принятие их в свое владение они ставили в зависимость от того, какое число меннонитов и их батраков прибудет в Россию.

„В разсуждении же урочища Молочных Вод, — писали Потемкину Геппнер и Бартч,—не прежде желаем иметь в своем владении и заселить оное, как по достоверном осве-

-----
¹⁾ Государственный Архив: письмо барона Фон-Сталя в Кременчуг от 20 ноября 1780 г.

домлении, коликое число из наших собратий в Россию выйти пожелают. А сверх сего числа обнадеживаемся мы вывезть с собою обоего полу рабочих людей, коих мы, по заработании ими известного времени, не иначе, как должны отпустить и заселить как ими, так и некоторыми из нас упомянутое урочище".

Депутаты облюбовали себе, во-первых, лежащий против города Берислава остров Тавань с окружающими его мелкими островками ¹⁾, омываемый рекой Конскими Водами и покрытый в изобилии кустарником; во-вторых, земли, лежавшие по правую сторону Конских Вод и на протяжении 5 верст представлявшие из себя „луга и сенокосы"; в-третьих, наконец, специально „для земледелия и хлебопашества" землю, лежавшую „в одной версте от большой дороги в Чернинькую" и с левой стороны вдававшуюся в степь.

„Через сие самое,— мотивировали свой Выборг депутаты,— приобретено будет наше намерение, которое себе за предмет имеет не только размножить земледелие, но и отчасти также распространить некоторый торг, ибо по сему положению, во-первых, находиться мы имеем в соседстве с Черным морем и лежащими вблизи нас городами, как-то: Никоподем, Бериславом, Херсоном и Перекопом, а во-вторых, и самый Днепр доставит нам наивеличайшую выгоду тем, что мы в состоянии будет все наши произведения легчайшим способом в помянутых первых трех городах с рук сбывать. Производимую нами по берегам онаго рыбною ловлею снищем мы новую отрасль к пропитанию, а напоследок и наибольшая часть, как российских, так и крымских товаров, в Перекоп и из онаго идущих, близ нас провозимы быть должны" ²⁾.

Условия, на которых их доверители, 270 меннонитских семейств, готовы были водвориться в Россию, депутаты изложили (22 апреля 1787 г.) в 20 статьях и просили Потемкина исходатайствовать у императрицы „утвердительную грамоту" на эти статьи и затем немедленно отпустить их, депутатов, на родину в Данциг.

Но Потемкину в это время было не до рассмотрения „просительных статей" депутатов: он всецело занят был приемом императрицы, совершавшей свое знаменитое путешествие в Но-

-----
¹⁾ "Со всеми к оному принадлежащими отделениями".

²⁾ Государственный Архив: прошение Геппнера и Бартча на имя Потемкина от 22 апреля 1787 г. из Кременчуга.

вороссию и Крым. Сами депутаты все же не были забыты: 2/13 мая 1787 года в Кременчуге они были представлены Потемкиным императрице в присутствии графа Безбородко, римско-императорского посла и посланников английского и французского. Екатерина милостиво приняла депутатов и обещала им, а равно и всем данцигским меннонитам, которые пожелают переселиться в Россию, свое покровительство и благоволение¹⁾.

Тем не менее окончательное решение дела об условиях водворения меннонитов в Россию, несмотря на обещания Потемкина, туго подвигалось вперед, и 17 июня депутаты снова повторили свою слезную просьбу об отпуске их на родину, указывая на то, что они изнывают от скорби, будучи продолжительное время разлучены с женами и детьми и не получая от них ни малейшего известия.

„Если желательно,—писали они в своем прошении,—чтобы наше водворение в Тавриде дало хорошие результаты (wan unser Etablissement in Taurien gut von Statten gehen soll), то мы должны со многими другими меннонитами и работниками вернуться сюда по прошествии осени, что поистине представляется трудным делом. Сжальтесь из человеколюбия над нами, отпустите нас милостиво, чтобы мы могли съездить домой, устроить свои дела и вернуться" ²⁾

Лишь 5 июля последовали резолюции Потемкина на „просительные статьи" меннонитов. В виду того, что этот документ не вошел в *Полное Собрание Законов* и некоторые статьи его приняты Потемкиным с ограничениями и оговорками, считаем более уместным привести его буквально, а не в изложении.

„1787 года июля 5-го дня... (следует обширный титул Потемкина) князь Потемкин-Таврический, рассмотря ниже писанные представленныя депутатами, присланными от общества данцигских меннонитов, в двух стах семидесяти семьях состоящаго, статьи касательно предприемлемаго ими в Таврическую область переселения, преподаю на оныя следующие решительныя положения:

-----
¹⁾ Московский Главный Арх. Мин. Ин. Д. : „Дела колонистов 1786—1792 гг.", перевод с немецкой рекламы, напечатанной Георгом Траппе в Данциге в конце 1787 г.

²⁾ Государственный Архив.

Просительные статьи меннонитов.	Решение
<p>1. Чтоб дозволено было беспрепятственное отправление веры по их церковным положениям и обрядам.</p>	<p>На 1-е. Дозволяется</p>
<p>2. А. Для всякой семьи по 65 десятин напротив города Бериславля, возле реки Конских Вод, по Перекопской дороге вправо, не считая неудобной земли в числе 65 десятин.</p>	<p>На 2-е. Под лит. А. Землю отвести приказано будет.</p>
<p>В. Да противу же Бериславля лежащий остров Тавань со всеми обтекающими оной водами и вокруг лежащими островками, на которое по сие время никто указа и плана не имеет; им же необходимо нужны оныя для сенокоса.</p>	<p>Под лит. В. Из сего острова может для них отведена быть некоторая только часть, ибо по деланию там моста чрез Днепр и по многим друг. казенным работам немалая часть опаго должна остаться в казенном ведомстве.</p>
<p>С. Полную власть в рыболовстве на Днепре и в Конских Водах, доколе их границы распространяются, с запрещением чужим пользоваться в их границах сею привилегиею.</p>	<p>Под лит. С. Предоставлено будет им право пользоваться рыболовством в водах, их земли омывающих, на законном основании.</p>
<p>Д. Как на вышеописанных землях не находится лесов, им же необходимо нужны оные на топливо, то из состоящих на острове Каире еще не розданных тысячи пятисот десятин всенижайше просят хотя половину тамо находящихся лесов отдать им на употребление.</p>	<p>Под лит. Д. Некоторое небольшое количество для нужного употребления отведено быть имеет.</p>
<p>3. Десятилетнее освобождение от всех податей.</p>	<p>На 3-е. Дается.</p>
<p>4. Чтоб по прошествии 10-ти льготных лет определено и навсегда ненарушимо утверждено было платить погодно за десятину от каждой фамилии по 15 копеек с вечным увольнением от подвод, постою и казенных работ.</p>	<p>На 4-е. Положение сие утверждается, и как скоро урочные 10 л. минут, то за каждую во владении меннонитов землю казна получать имеет по 15 коп., с увольнением их от</p>

	<p>подвод, работ и постою, кроме времени проходящих каких-либо команд и содержания в исправности мостов и дорог в своем владении.</p>
<p>5. Чтобы всякому из них, кто заблагоразсудит, дозволено было, кроме сельского домоводства, в городах и деревнях наместничества Екатеринославского или области Таврической заводить фабрики и другия нужныя для них заведения, равно как и вступать в торговлю и в художеское общество, и чтоб фабрикантам и художникам беспрепятственно и без всяких каких-либо податей как в городах, так и в деревнях, позволено было рукоделие свое продавать.</p>	<p>На 5-е. Позволяется, но не иначе, как на основании городского положения</p>
<p>6. Чтоб по изданному печатному от 22 шля 1763 г. Высочайшему манифесту благоволено было каждой меннонистской семье, которым вспоможение нужно будет для заведения хозяйства, выдать заимообразно 500 рублей с тем, чтоб сия выдача чинилась по прибытии их в город Ригу ежемесячно по 100 рублей, которую сумму, по прошествии льготных лет, в силу Высочайшаго манифеста без процентов в три последующие года они повинны в казну уплатить.</p>	<p>На 6-е. Утверждается.</p>
<p>7. Чтоб удостоверение о ненарушимой их верности от их и их потомков было принимаемо по обряду их исповедания.</p>	<p>На 7-е. Исполнить сие по их обряду</p>
<p>8. Чтоб они и их потомки уволены были в вечныя времена от всякой воинской службы, поелику положения их веры никак им не дозволяют вступать в воинскую службу.</p>	<p>На 8-е. От принуждения к воинской службе свободны быть имеют.</p>
<p>9. Чтоб по прибытии их из Данцига для каждой семьи все к построению порядочнаго дома по немецкому образцу нужные припасы, так же для всех их вообще дубовый лес на две мельницы и шесть хороших мельничных камней с прочими на две мельницы припасами были-б заготовлены, дабы они, прибывши, <i>с помощью нескольких казенных нужных работников</i> все то сами соорудить могли.</p>	<p>На 9-е. Дано быть имеет на каждую семью четырехсаженных бревен по 120 и потребное число бревен на две мельницы с шестью камнями.</p>

<p style="text-align: center;">10.</p> <p>Чтобы каждую семью из принявших намерение переселиться в Россию благоволено было снабдить деньгами на дорожное продовольствие и на провоз.</p>	<p style="text-align: center;">На 10-е.</p> <p>За провоз их и за дорожное продовольствие заплачено будет.</p>
<p style="text-align: center;">11.</p> <p>Чтобы всем прибывшим семьям в Российския границы до Бериславля даны были повозки и лошади, и чтобы всякой душе со дня прибытия на сию границу до окончания пути выдано было по 25 копеек.</p>	<p style="text-align: center;">На 11-е.</p> <p>Повозки и лошади даны будут без излишества, а что принадлежит до денег, то выше 15 лет каждой мужеска и женска полу душе производить по 25, а ниже по 12 копеек.</p>
<p style="text-align: center;">12.</p> <p>Чтобы из особливаго милосердия освободить от возвращения выданных им по 10 и 11 пунктам денег, то-ж и за припасы на строение домов их таким образом, чтоб им оных и по прошествии десяти льготных лет не платить, поелику корона немало приобретет пользы тем, что меннонисты хороших фабрикантов и художников с собою приведут, и что они вознаградят в короткое время трудолюбием в земледелии и другими выгодными заведениями все издержанные на них убытки.</p>	<p style="text-align: center;">На 12-е.</p> <p>Сие зависит от Высочайшаго Ея Императорскаго Величества милосердия¹⁾.</p>
<p style="text-align: center;">13.</p> <p>Чтоб им, доколе не построятся дома, очищены были по ту сторону речки Конских Вод порожно стоящия карантинныя строения и даны-б были порядочныя палатки для их домостроителей, а для прочих меннонистов показаны-б были несколько жилищ в городе Бериславл.</p>	<p style="text-align: center;">На 13-е.</p> <p>Жилища и палатки дадутся, но только на время, что все и должны они потом возвратить. Квартыры также отведутся.</p>
<p style="text-align: center;">14.</p> <p>Чтобы всем меннонистам со дня прибытия в Бериславл до первой жатвы благовлено-б было выдавать на каждую душу по 10 копеек с тем, чтоб по прошествии 10-ти льготных лет в три последующие года она сумма в казну уплачена будет, но только без процентов.</p>	<p style="text-align: center;">На 14-е.</p> <p>Утверждается</p>
<p style="text-align: center;">15.</p> <p>Чтоб немедленно послано было в Бериславл и Тавриду повеление, дабы на отводимых им землях запрещено было дрова рубить, и чтоб нынешняго же года никакой скот на просимыя ими места более был не допускаем, дабы они иметь могли довольно травы для собственного</p>	<p style="text-align: center;">На 15-е.</p> <p>Пошлются сии повелении.</p>

своего скота.	
<p style="text-align: center;">16</p> <p>Как и после их, может быть, многия семьи из меннонистов пожелают переселиться в Россию, то чтобы и они одними с ними пользовались правами и преимуществами и им дозволено было поселиться в тех прекрасных и плодоносных странах, которыя депутатов их в удивление приводили, то — есть в Старом Крыму, Феодосии, Бакчисарае и прочих местах, где они сами пожелают и где еще земля не роздана, однако с тем, чтобы им не быть порукою за издержанныя на них деньги, что они исполнять между собою.</p>	<p style="text-align: center;">На 16-е.</p> <p>Когда пришьются от оных депутаты, то и с ними могут быть учинены постановления собразно с сими.</p>
<p style="text-align: center;">17.</p> <p>Чтобы всемилостивейше благоволено было к ним вторично с надлежащим наставлением прислать господина Траппа, который склонил и согласил их к переселению в Россию, и которому все их обстоятельства по точности известны. Он же в состоянии отвратить все препятствия, которыя им в Данциге в отпуске их случиться могут, и может верное попечете в нуждах их иметь. По прибытии же их в Тавриду, соответственно данному им наставлению, чтобы он был определен директором и предстателем, дабы наставлял он их в заведениях их и старался бы об их спокойствии и безопасности.</p>	<p style="text-align: center;">На 17-е.</p> <p>Определен быть иметь.</p>
<p style="text-align: center;">18.</p> <p>По прибытии их в Бериславль, чтоб прислан к ним был сведущий немецкой язык и искусной землемер, который бы как всю их землю вообще, так и между каждым из них его собственную часть разделить и отмежевать мог.</p>	<p style="text-align: center;">На 18-е.</p> <p>Дан быть</p>
<p style="text-align: center;">19.</p> <p>Как дальное разстояние Тавриды от отечества их воспрепятствует им забрать с собою разных для посеvu семян, то чтобы выдано им было для посеяния разнаго хлеба, который они современен и отдать должны.</p>	<p style="text-align: center;">На 19-е.</p> <p>Даны будут.</p>
<p style="text-align: center;">20.</p> <p>Напоследок просят, чтобы при их прибытии в Бериславль строжайше повелено было об них и о имении их, покуда они выстроются, иметь попечение, дабы они обижены, обкрадены и ограбленные не были ²⁾.</p>	<p style="text-align: center;">На 20-е.</p> <p>Повеление о сем дано будет.</p>

1) Расход казны на путевые издержки меннонитов были им впоследствии прощены.

2) Государственный Архив.

Согласно 17-ой „просительной статье“ меннонитских депутатов, Траппе должен был отправиться с ними вторично в Данциг. И без просьбы меннонитов нисколько не сомневаясь в том, что на него будут возложены хлопоты по переселению их в Россию, и наученный горьким опытом первой поездки в Данциг, Траппе решил заранее заручиться содействием со стороны русской дипломатии. В своей промемории от 13 апреля 1787 года он советовал. Потемкину побудить коллегия иностранных дел дать соответствующие предписания аккредитованному при данцигском правительстве русскому дипломатическому агенту, а именно, чтобы последний предупредил данцигский магистрат, что Русский двор находит нужным производить посадку на суда меннонитов, отправляющихся в Россию, на территории города, т.-е. что люди и их вещи будут перевозимы на маленьких судах или шлюпках чрез Вексель-Мюнде до кораблей, которые будут иметь стоянку у деревни Вонзак,

принадлежащей Данцигу. Таким путем Траппе думал избежать придинок со стороны пруссаков, которые владели Новым Фарвассером, морским портом Данцига. Свой совет Траппе подкреплял ссылкой на свое знакомство с положением дел в Данциге и его окрестностях. „Я приложил всевозможные старания к тому,— писал он в упомянутой промемории,— чтобы приобрести на местах знакомство с положением дел (*pour acquérir sur les lieux des connoissances locales de la situation*) и думаю, что я в этом достаточно успел. Частые экскурсии совершаемые мною в деревню к крестьянам и в особенности к честным меннонитам, с которыми я советовался для форм, относительно хорошего способа обработки земель, осведомил меня о всем" ¹⁾).

Действительно, для новой поездки в Данциг трудно было подыскать более опытного человека, и уже 14 июля 1787 года Потемкин вручил Траппе свое письмо к придворному банкиру Сутерланду об открытии кредита на расходы, связанные с переселением меннонитов, и заключил с Траппе условие, аналогичное тому, которое предшествовало его первой поездке в Данциг.

В письме к Сутерланду Потемкин писал: „Предполагая что ея величество императрица соизволит утвердить привилегии на которых я только что изъявил согласие депутатам меннонитов (*que je viens d'accorder aux députés de mennonites*), я прошу вас уплатить предъявителю сего, г-ну Траппе, пятьсот голландских дукатов и тысячу рублей на расходы по его путешествию в Данциг и Торн. Сверх того вы будете добры доставлять ему чрез своих корреспондентов в Данциге и Варшаве средства на издержки по путешествию и пропитанию колонистов (*fournir... les frais de voyage et de subsistance pour les colons*) таким же образом, как в прошлом году. Я желаю, чтоб все делалось согласно содержанию привилегий, дарованных меннонитам,— вот почему я думаю, что предварительно может понадобиться сумма от пятидесяти до шестидесяти тысяч рублей, и вы озаботитесь приказать вашим корреспондентам" и Риге уплатить колонистам, как только они туда придут те суммы, которых выговорены в их привилегиях и о которых г-н Траппе не преминет вас в точности осведомит (*les sommes stipulées par leurs privilèges et dont Mr. de Trapp*

-----
¹⁾ Государственный Архив: Extrait du pro-memoria presente a Son Altes Monseigneur le Prince de Potemkine en date du 13-jeme D'Avril 1787.

ne manquera pas de Vous informer exactement). Будет также необходимо войти в соглашение с кабинетом ея величества (de faire les arrangements avec le cabinet de Sa Majesté) таким образом, чтобы после прибытия меннонитов в Берислав все, чего они в праве будут требовать, им было уплачено чрез вашу Херсонскую контору быстро и как условлено в их названных привилегиях, дабы эти добрые земледельцы были довольны и в состоянии устроить свое водворение беспрепятственно к пользе Империи"¹⁾.

Среди забот об экономическом благосостоянии новых подданных русской императрицы не были забыты и их религиозные потребности: Потемкин уполномочивал Траппе нанять „для Тавриды" (pour la Tauride) пастора с ежегодным жалованьем в 400 рублей и отводом ему сверх того пятисот десятин земли в полную и наследственную собственность²⁾.

В случае удачного исхода всех забот и трудов по организации переселений из Данцига, Потемкин обещал выхлопотать Траппе у императрицы „награду, достойную короны, и соответствующую важной услуге, которую он окажет государству"³⁾.

7 сентября 1787 года последовал именной указ императрицы, коим санкционировались льготы и привилегии, предложенные меннонитам Потемкиным, и обещалась выдача им жалованной грамоты „за подписанием ея величества руки и с приложением государственной печати".

Таким образом переселение в Россию данцигских эмигрантов с высоты престола было признано делом государственной важности, и те препятствия, чисто формального свойства, которые тормозили его в Петербурге в первую поездку Траппе, теперь были устранены. Траппе было вручено рекомендательное письмо к русскому поверенному в делах в Данциге Семену Соколовскому, который должен был оказывать ему всевозможное содействие. Письмо было написано в энергичном властном тоне.

„Предъявитель сего, — говорилось в письме, — господин Траппе... будет иметь попечете о перевозке меннонитов и других свободных, колонистов, которые пожелают отпра-

-----
¹⁾ Государственный Архив.

²⁾ Государственный Архив: Условие, заключенное Потемкиным с Траппе 14 поля 1787 г. в Кременчуг, 5-й пункт.

³⁾ Там-же, 6-й (и последний) пункт.

виться в Россию; и так я ¹⁾ вас прошу, милостивый государь, оказывать ему всякое зависящее от вас содействие в интересах короны. Вот почему вы не преминете объявить магистрату *твердым тоном*, что некоторое число меннонитов из города Данцига и его окрестностей (*de la ville et des environs de Dantzic*), люди совершенно свободные, по происхождению голландцы, послали депутатов к ея императорскому величеству, чтобы испросить у нея земли в Тавриде и на острове Тавани, и ея величество соизволила им на их просьбу. Она желает, чтобы данцигский магистрат позволил свободным людям переселяться (*passer*) таким же манером, как обычно принято позволять свободный переход всем тем, которые хотят перейти на прусскую территорию. Вы хорошо сделаете, внушив в то же время магистрату, что ея императорское величество с неудовольствием только-что узнала о его пристрастии в пользу пруссаков по отношению к эмиграции, т.-е. что предоставляют полную свободу (*toute liberté*) всем тем, которые отправляются для водворения в Пруссию,— свидетель тому — вывезенные (*qui sont retirés*) во множестве; в Ланге-Фуль, Новую Шотландию, (*Neu Schottland*), Шидлиц, Оливу, Ельбинг и пр. и пр., но несправедливо придирались ко всем тем, которые решили отправиться в Россию, так что у них оценили их старую одежду и даже их рубашки, чтобы взять с них десятину (*pour en payer le dixième*), как имеются убедительные доказательства этого. Доказано еще, что магистрат потакал тому, чтобы король прусский мог добывать рекрут из города (Данцига) и его территории".

В конце 1787 года Траппе был уже в Данциге. „Препоручительное" письмо графа Остермана произвело должное действие, и между Соколовским и Траппе сразу установились наилучшие отношения. Вместо жалоб и взаимных обвинений, имевших место в первый приезд Траппе, оба агента разсыпаются теперь в похвалах друг другу и стараются действовать рука Оби руку в интересах порученного им дела.

-----
¹⁾ Приводимый здесь в переводе на русский язык документ сохранился в копии в Государственном Архиве, без подписи, среди бумаг Потемкина по вызову колонистов, но, очевидно, принадлежит не Потемкину, а вице-канцлеру гр. Остерману, непосредственному начальнику Соколовского. Вероятно, именно это письмо и имел в виду последний, когда от 31 октября /11 ноября 1788 г. писал вице-канцлеру: „Уже тому миновал год, как я имел щастие удостоиться чрез надворпаго советника г-на Траппе получить высокосклоннейшее вашего сиятельства повелевающее мне о принятии нужных здесь распоряжений для отправления отсюда в Ригу вольных колонистов писание". Москов.. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Dantzic.

„Он оказывает мне, — писал о Соколовском Траппе графу Остерману, — доселе все от него зависящее пособие во вверенной мне по высочайшему ея императорскаго величества имянному указу важной комиссии, так что если он, как я и надеюсь, так продолжать будет, то, несмотря на все затруднения, без сомнения достигну я, наконец, по крайнему желанию моему, до моего предмета—доставить Российской империи таких земледельцев, которых она еще до сих пор не имеет"¹).

„Я с моей стороны,—писал в свою очередь вице-канцлеру Соколовсий, — осмеливаюсь сим вашему сиятельству поистине донести, что... г-н Траппе весьма ревностно для интересов Российской империи порученную ему комиссию как невозможно лучше исполнить старается"²).

Старания Траппе были направлены к тому, чтобы не только уже изъявивших согласие на переселение в Россию поддержать в их памерении, но и завербовать новых эмигрантов, как из общества меннонитов, так и из среды данцигского пролетариата. Этой цели должны были служить издаваемый для распространения в народе „рекламы", „циркуляры" и анонимные письма (*un circulaire, une lettre anonyme*), сообщавшие сведения о „коммиссии" Траппе, восхвалявшие жизнь колонистов в России и опровергавшие ложные слухи на этот счет, распускаемые данцигской буржуазией, в особенности же сторонниками Пруссии. В одном из таких „писем", выдавая себя за данцигского уроженца, „с давних уже лет в России благополучно и в довольствии живущаго", и ссылаясь на публикацию русскаго правительства, помещенную в № 39 „Данцигских Ведомостей" за 1785 год, Траппе приглашал данцигский пролетариат и меннонитов безбоязненно эмигрировать в Россию, обещая там счастливую и свободную жизнь. Обращаясь к пролетариату, ремесленникам и батракам, он говорил: будьте вы совершенно уверены, что в лице иностранцев несравненно более вольности и преимуществ имеете ожидать в России, нежели теперь обрящете в рабстве, не имея земли ниже на пядень, а из поденщины за хлеб насущный служа и работая на своего же брата, в том числе нередко и на жестокосердаго мужика превозносящагося"; „внемлите", восклицал он, обращаясь к мен-

-----
¹) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Дела колонистов 1786—1792 гг., „Перевод с письма г-на Траппе к вице-канцлеру из Гданска от 6/17 генваря 1788 г."

²) Там-же, Dantzig: Р. 8-т Соколовского к его донесению из Данцига от 13/24 января 1788 г.

нонитам, „и вы, в трудолюбии бодрствующие даннигскаго подсуда меннонисты, коих промысел, проницательство и в землеустройстве, равно как и в разнообразном, житейском обращении искусство всякому государству отменно полезно бывает, и которым при всем том однако, хотя неудобопонятным образом, на сих же днях запрещалось купить недвижимое имение с наложением на вас всевозможных затруднений при приобретении в данцигской окружности земель, вас приглашаю, приидите, сами смотрите, вкушайте и ощущайте отменное счастье под кроткою... Екатерины Великой... державою жить благополучно, покойно и во всяком довольствии" ¹⁾).

Печатные воззвания, а равно и устные личные беседы Траппе не оставались безрезультатными, и в письме к графу Остерману от 6/17 января 1788 г. он писал из Данцига, что „тамошний простой народ и земледельцы оказывают чрезвычайную приверженность и доверенность к России", которая, при существующем положении дел, могут „обратиться в пользу России и послужить к ослаблению прусской партии" ²⁾).

Разсчеты Траппе однако не оправдались.

Вывоз в Россию колонистов очень чувствительно задевал интересы правящей буржуазии, лишая ее в лице эмигрирующего пролетариата дешевых рабочих рук, а в лице состоятельных меннонитов—исправных плательщиков налогов; эмиграция из Данцига в Россию была и не в интересах Пруссии, которая политическое подчинение себе данцигской территории считала лишь вопросом времени, и при том ближайшего будущего. Таким образом в этом деле интересы городского данцигского правительства и Пруссии сходились, и это обстоятельство должно было усиливать прусское влияние, а не ослаблять его, как думал Траппе. К тому же данцигский магистрат не мог не чувствовать угнетающей близости к Данцигу Пруссии, которая своей экономической политикой уже успела подорвать его благосостояние, а в будущем грозила при первом удобном случае лишить его и политического бытия. Раздражить Пруссию, в особенности же в данный момент, для данцигского правительства было опаснее, нежели вызвать неудовольствие со стороны России: последняя не была непосредственной

-----
¹⁾ Государственный Архив. По поводу этой заранее заготовленной рекламы Траппе писал Потемкину от 7 февраля 1787 года из Киева: *je ne sçai pas si la traduction Russe a bien réüssi, mais pour l'allemande je suis bien sûr que mes exhortation ne manqueront pas de faire un très bon effêt*".

²⁾ Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. д.: дела колонистов 1786—1792 гг.

соседкой Данцига и к тому же тогда занята была 2-й Турецкой войной, которая вскоре должна была осложниться одновременной войной со Швецией; а при войне на два фронта русскому правительству было не до Данцига.

Понятно, что при таких условиях вскоре должно было обнаружиться как косвенное, так и прямое противодействие порученной Траппе „коммиссии“, и при том как со стороны данцигского магистрата, так и со стороны отдельных „пруссски настроенных“ лиц.

В конце 1787 г., т.-е. вскоре после прибытия в Данциг, Траппе, по соглашению с Соколовским, решил собрать к себе тех меннонитов, которые посылали в Россию своих депутатов; ему нужно было условиться с ними относительно организации их переселения и выбрать из числа их, по большинству голосов, строительную комиссию из 6 человек, „искусных в строении“. По предложению Траппе, Соколовский обратился к заступавшему место президента лицу (Конрадию) с просьбой о позволении прочесть в меннонитских только церквях краткое объявление относительно „изъявленнаго“ меннонитами „желания переселиться в Россию“, „как прежде сего по требованию разных магнатов в Польше, желавших иметь меннонитов, без всякого препятствия учинено было“, Сверх всякого ожидания, Соколовскому не только было отказано в его просьбе, „но и хитрым образом все старание употреблено было, дабы чрез разсеяние многих устрашительных слухов и чрез злобоковарныя разглашения отвратить совсем“ меннонитов от переселения в Россию. Распущен был слух, что меннонитские депутаты вовсе не были представлены императрице, которая ничего и не знает относительно обещанных их привилегий, что это — „единственно дело князя Потемкина“¹⁾.

После того Траппе не оставалось иного исхода, как напечатать к меннонитам особое воззвание. Упомянув в нем о возвращении депутатов из России, о представлении их императрице и о даровании меннонитам таких обширных привилегий каких еще никому из иностранцев не было пожаловано за все царствование Екатерины II, Траппе приглашал всех меннонитов обеих меннонитских общин, не исключая и тех, которые не принимали участия в посылке депутатов, явиться в Данциг 19 января следующего 1788 г. в 9 часов

-----
¹⁾ Москов. Гл. Арх. Мип. Ин. Дел: Дела колонистов "1786—1792 гг., письмо Траппе к гр. Остерману от 6/17 января 1788 г.

утра „в российский императорский министерский дом на Ландгартен, где предъявлены им будут в оригиналах привилегии и резолюция императорского кабинета"; желающие могут тогда же заявить о своем намерении переселиться в Россию, что им, как людям свободным, и не может быть возбранено, если они при отъезде выполнят все свои обязательства.

Магистрат, как бы в ответ на это воззвание, обратился к Соколовскому с требовавшим о немедленном удалении Траппе из Данцига.

„Магистрат,— доносил Соколовский гр. Остерману (от 13/24 января 1788 г.), — мне сделал противу чаяния моего формальное чрез городского секретаря представление и просьбу, а имянно: дабы я постарался немедленно удалить отсюда надворного советника г. Траппе, поставляя в резон, аки бы его комиссия ныне причиняет у многих бунтующихся жителей здешних, а особливо у третьяго ордена и почти у всего мещанства, великое неудовольствие, препятствующее будто благому успеху ожидаемой российским двором от здешняго правительства резолюции. Я с моей стороны осмеливаюсь сим ваше сиятельству по истине донести..., что злоумышленная здесь довольно великая пария, наущаема будучи стоять противу всего, что до чести и славы России касаться может, ищет только нарочито ложной причины отдать себя в подданство новой державе, надеясь тем самым свое сделать счастье" ¹⁾).

Вскоре после этого прямого требования, со стороны правящей буржуазии была сделана попытка косвенным путем воспрепятствовать эмиграции из Данцига в Россию.

В 1784 г. в Амстердаме появились мемуары барона Тотта („Mémoires du baron de Tott sur les Turcs et les Tartares". 4 vls), бывшего с 1767 по 1769 г. французским консулом в Крыму при хане, а потом служившего в Константинополе в качестве военного инструктора. В своих мемуарах барон Тотт между прочим, рассказывает о встрече с беглыми из России колонистами в количестве 16 человек (7 мужчин 5 женщин и четверо детей). Они были немцы, родом из Пфальца (переселившиеся в Россию в силу манифеста, Екатерины II от 22 июля 1763 г.). В России им не повезло, и они бежали оттуда, по вскоре были схвачены ногайцами, которые намеревались продать их в рабство при первом удобном случае (au premier acquéreur). Тотт нашел

-----
¹⁾ Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел: Dantzig.

беглецов в самом печальном состоянии. „*Эти несчастные... были привлечены в Россию*”, - нравоучительно замечает Тотт,— *надеждой на лучшую будущность, которая вызывает переселения, всегда обманывает переселенцев и скоро заставляешь их сожалеть о своей отчизне*” („*Ces malheureux nés dans le Palatinat avaient été attirés en Russie par l’espérance d’une meilleure fortune, qui détermine les émigrations, trompe toujours les émigrants et leur fait bientôt regretter leurs foyers*”¹),

Этим рассказом Тотта воспользовался данцигский купец Георг Тонье, завзятый пруссофил, чтобы подорвать в народе доверие к колонизационной политике русского правительства. Он поместил в газете *Elbingische Anzeigen* от 20/31 января 1788 г. немецкий перевод того места мемуаров Тотта, где говорится о встрече его с колонистами, причем намеренно искажил слова Тотта о том, что надежда на лучшую будущность вызывает переселение, но всегда обманывает переселенцев: по переводу Тонье выходило, что *Россия покровительствует эмиграции, но обманывает эмигрантов* („*Diese Unglückseligen waren geborne Deutsche, die sich die Hofnung eines bessern Glückstandes nach Russland zu gehen hatten bereden lassen, welches Auswanderungen begünstiget aber die Auswanderer teuscht und sie bedauern bald ihre alte Wonnungen verlassen zu haben*”²).

В опровержение искаженного перевода из Тотта Траппе попытался было поместить в той же газете якобы извлечете из своего дневника, веденного в мае 1787 г. в Крыму во время пребывания там императрицы. Это „извлечение” и было уже напечатано для № 13 упомянутой газеты, но Ельбингская администрация (Policey-Directorium) воспретила выпустить его в свет, „вероятно потому,— иронически замечает Траппе, — что в Ельбинге считают для себя позволительным помещать в тамошних ведомостях только французскую, искаженную немцем ложь против России, но не истину в пользу России”. Траппе не оставалось иного исхода, как напечатать свое опровержение в виде отдельного листа, что он и сделал.

В этом опровержении Траппе прежде всего заявляет, что, заинтересовавшись известием Тотта о беглых колонистах, он сам лично наводил о них справки в Бахчисарае у та-

-----
¹) Memoires du baron de Tott. Amsterdam. 1784. 97—99 p.

²) Elbingische Anzeigen, IX Stück, Donnerstag den 31 Januar 1788. В Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел, в Делах колонистов 1786—1792 гг.

мощных немцев и чрез переводчика у некоторых татарских мурз, но оказалось, что в Крыму никто о них ничего не знает и не слышал. Немцы же, работавшие прежде на монетном дворе, устроенном ханом в Каффе, уверяли, что неоднократно видали в Крыму Тотта, но не с немцами, а с небольшим табором цыган, которых (как говорить) он забавным образом употреблял на то, чтоб они предсказывали татарам завоевание русского царства.

Так как враждебная России деятельность Тотта в Крыму и в -Турции окончилась полнейшей неудачей, „то ни один благоразумный человек не будет удивляться тому, что хвастливый француз ко вреду России неоднократно передает лживые рассказы в своих мемуарах, которые ради их неглубокого содержания (wegen ihres leichten Inhalts) и справедливо делаемого ему (Тотту) упрека в отвратительном себялюбии, не без основания горько осуждаются солидными французами" ¹⁾

Если бы действительно являлись к Тотту в Крыму беглые немцы, то они могли бы быть только из колонии, основанных на Украине, а именно: или из колонии фельдмаршала графа Румянцева-Задунайскаго—Вишеньки (Wischinka) ²⁾, или из значительных коронных колоний в Беловеже. Но ничего подобного, уверяет Траппе, ему не удалось обнаружить во время трехмесячного пребывания в Украине, несмотря на тщательное расследование. „Вышеназванные колоши находятся в цветущем состоянии, что совсем неудивительно, так как фельдмаршал с отеческой любовью относится к своей колонии; и корона сделала все от нея зависящее, чтобы сделать живущих в Беловеже иностранцев зажиточными. Добрые люди (с своей стороны) очень довольны и ничего не знают о беглых немцах; но (им известно), что у них несколько раз появлялись цыгане, которых они прогнали и которым очень легко могло придти на мысль через степи отправиться в Крым и, как выше сказано, отдаться под вполне достойное их покровительство г. Тотта.

-----
¹⁾ Французское правительство недовольно было тем, что в мемуарах Тотта турки рисовались в их действительном неприглядном виде. См. Бильбасов, „История Екатерины II", т. XII, ч. 1-я, стр. 305.

²⁾ В 1772 г. жившие в Валахии близ Бухареста меннониты, по приглашению фельдмаршала гр. Румянцева, переселились в его имение Вишеньки и водворились там на основании заключенного с графом контракта. Впоследствии (в 1784 г.) к ним присоединилось еще 16 семейств меннонитов выведших из Венгрии и Богемии. Это была первая меннонитская колония в России. Журн. Мин. Госуд. Им. 1854 г., август: "Историческое обозрение водворения иностранных поселенцев в России", стр. 69.

Но если допустить, что пришедшие в Крым были действительно беглые немцы из России, то что же доказывает этот факт? То, что уже давно и без того известно, а „именно, что *во всех местах, где заводятся колонии, появляются вместе с тем тунеядцы, негодяи, пьяницы, которые не хотят работать*, напоследок же принимаются за воровство и, наконец, когда им не хотят позволить этого безнаказанно, убегают оттуда (см. экономический сочинения знаменитого г. президента фон-Бенкендорфа)". Как на примере, Траппе указывает на свою встречу в Польше в июле 1786 г. с 5-го оборванными и голодными уроженцами Виртемберга, бежавшими вместе с женами и детьми из колонии Западной Пруссии. Они жаловались, что в этих колониях они чуть не умерли с голода, но по справкам оказалось, что это были негодяи, проматывавшие все, что им ни вверялось. „Если бы они только знали о местопребывании г. Тотта, то они также охотно прибегли бы к его помощи, хотя бы в Египте. Под управлением умершего тайного советника фон-Бренкенгофа в королевски-прусских землях с большою заботливостью устроено много колоний, хорошие люди там благоденствуют, тунеядцы же и пьяницы — нет, и напоследок обращаются в мошенников: *так бывает всюду, где основываются колонии*, как уже сказано (выше)". Ни одна держава в Европе не делает так много для иностранцев и их благосостояния, как Россия, и тем, кому близко к сердцу улучшение своего положения, нечего бояться рассказней француза, состоявшего на службе у заклятого врага христианства: они смело могут основать свой домашний очаг в России, „где безчисленные немцы", — так закапчивает Траппе свою публицистическую отповедь, — уже устроили свое счастье и разбогатели" ¹⁾).

Между тем требование данцигского магистрата об отозвании Траппе из Данцига, сообщенное Соколовским графу Остерману в письме от 13/24 января, произвело очень быстрое и решительное действие на Петербургский кабинет. Занятое тяжелой войной с Турцией и ожидая войны со Швецией, русское правительство не желало осложнять своих международных отношений какими бы то ни было инцидентами, и уже 27 января вице-канцлер писал Соколовскому об отозвании Траппе из Данцига.

„Поелику в *нынешних обстоятельствах*,—говорилось в письме гр. Остермана,—не может настоять удобства к благо-

-----
¹⁾ Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Дел: Дела колонистов 1786—1792 гг.

успешному производству порученной ассесору Траппе комиссии, то... угодно было всемилостивейшей государыне. повелеть мне дать ему о том знать, дабы оставил он реченную комиссию и, не делая никаких дальнейших по ней подвигов, немедленно сюда возвратился" ¹⁾).

Письмо графа Остермана, пришедшее в Данцига 6/17 февраля, упало Траппе, как снег на голову: ничего подобного он не ожидал. Недоумение его усиливалось тем обстоятельством, что в письме гр. Остермана ничего не говорилось о том, как быть с набранными для отправления в Россию *колонистами* (лютеранами) и *меннонитами*. Между тем многие меннониты уже продали все свое движимое и недвижимое имущество, „bona fide, полагаясь вполне на высочайше утвержденные привилегии", и готовились к отъезду в Ригу. Поэтому на следующий же день, 7/18 февраля, Траппе обратился за разъяснением к гр. Остерману, прося его сообщить, как следует поступить с помянутыми людьми: „для высокой короны набранные, согласно содержанию всемилостивейше утвержденных привилегий, и на счет короны продовольствованные люди должны ли быть сохранены и весной отправлены в Ригу, или нет?" Решение этого вопроса в последнем смысле Траппе находил во всех отношениях неудобным и потому просил назначить своим заместителем по отправлению колонистов и меннонитов Соколовского, и дать ему на этот счет письменную инструкцию и деньги ²⁾).

О передаче; своей „комиссии" Соколовскому Траппе одновременно хлопотал и перед Потемкиным, при чем хвалил усердие Соколовского и испрашивал для него покровительство всеильного вельможи. „Он (Соколовский) меня уверил, —писал Потемкину Траппе, —и, я надеюсь, он это исполнит, —что он хочет употребить все свои старания на то, чтобы так устроить, что прибудут в Ригу все меннониты, которых я принял, и которые желают отправиться, чтобы пополнить число лиц, одаренных её императорским величеством привилегиями. На этот предмет я ему оставляю здесь денежные средства, в которых он может иметь нужду. Если он исполнит свое обещание, то будет иметь основание ожидать, что её императорское величество вознаградит его путем вашего великодушного предстательства и покровительства, к чему я осмеливаюсь его реко-

-----
¹⁾ Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Дела колонистов 1786—1792 г.г.

²⁾ Там же.

мендовать, как моего друга и очень честного человека, которому покровительствует г-н граф Остерман" ¹).

В письме к графу Остерману от 7/18 февраля Траппе между прочим заявлял о своей готовности исполнить приказание о выезде из Данцига, но сомневался, чтоб это можно было сделать без ущерба „для короны" ранее конца следующей недели (7/18 число февраля в 1788 г. приходилось на понедельник); в действительности же он пробыл в Данциге несколько дольше: его удерживало здесь отчасти нежелание разстаться со своей „коммиссией", не только „полезной для России", но и выгодной лично для него, отчасти же необходимость привести в порядок дела по организации переселения на вербованных людей и укрепить их решимость переселиться в Россию.

„Меннониты,— писал Траппе гр. Остерману от 6 марта (нов. ст.),— которых я отправляю к князю (Потемкину) и которые путешествуют в своих собственных экипажах, отняли у меня много времени. Добрые люди крайне встревожены, что я от них уезжаю, они ссылаются на 17-й пункт своих ея императорским величеством самолично утвержденных привилегий; они рыдают и плачут о моем отъезде, потому что их энтузиазм к России и их доверие ко мне велики. Но я постарался их успокоить и им добрым манером объяснить, что перед высочайшей императорской волей, вероятно только „ad interim", даже привилегии должны склоняться, хотя бы они и были столь новы" ²).

Между прочим Траппе старался увлечь меннонитов заманчивой для них перспективой обращения в христианство крымских татар, коих соседями они сделались бы по переселении в Россию; *и этот мотив в среде людей религиозно-настроенных не мог не иметь некотораго значенья, придавая переселению, предпринятому в силу чисто экономических причин, некоторую идеалистическую окраску.* „Они ничего не делают охотнее, — писал Траппе вице-канцлеру о меннонитах, — как крестят. О, если бы Россия пожелала воспользоваться приверженностью этих людей! Теперь — момент" ³).

В том же духе, рассчитанном на религиозное чувство эмигрантов, Траппе напечатал особую рекламу в виде прощального письма к меннонитам. В ней он заявляет, что

-----
¹) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Дела колонистов 1786—1792 г.г., „Extrait d'une lettre écrite á Son(Altesse Monseigneur ie Prince de Potemkin-Tavritscheskoi".

²) Там же.

³) Там же.

решение меннонитов переселиться в Россию „*есть дело Всемогущаго Творца, сокрывшаго под тем исповедимыя премудрыя намерения*“...

В виду того, что в его отсутствие из Данцига недоброжелатели и завистники России будут употреблять все средства, чтобы отклонить меннонитов от переселения, Траппе напоминает им свой совет, который он давал им раньше неоднократно, „разсудить с Богом о сем деле и ежедневно возсылать к нему моление:

„Если дело Твое, о, Боже, помоги;
„Если же дело рук человеческих, отврати,
„И помышления наши премени".
(„Ists Werk von Dir, so hilf zu Glück,
„Ists Menschenthun, so treibs zurück
„Und ändre unsre Sinnen").

Указав на материальные выгоды, соединенные с водворением в Россию, Траппе старается успокоить возможные сомнения меннонитов насчет свободы религиозной совести в России:

„Если квакеры,— говорится далее в рекламе,— из освобожденной Францией Америки могли решиться на переселение во Францию, нисколько не умалив этим истинных заслуг Франции в деле освобождения Америки, то тем менее вам следует колебаться выбрать вторым своим отечеством Россию, где еще в большей степени, нежели во Франции, существует свобода вероисповедания и все условия, необходимыя для благополучия, а в особенности — для иностранцев. Где, в самом деле, в целом можно было бы найти государыню, сделавшую для иностранцев больше того, что сделала в продолжение 25-ти незабвенных лет и еще теперь для них делает проникнутая величайшим духом терпимости и благотворения, премудрая монархиня России, Екатерина Великая, чудо нашего века?"

В заключение Траппе, во-первых, просит меннонитов, переселяющихся в Россию, позаботиться „о хороших учителях, о верных духовных пастырях", которые пеклись бы о спасении их душ и благочестивой жизни, чтобы и в России меннониты „светились светом" своим „пред человеки", а во-вторых; предостерегает их, чтобы в состав эмигрирующих партий не вошли люди нравственно испорченные, ведущие явно порочный образ жизни, как, напр., пьяницы, дабы тем не обезглавить в России доброго имени меннонитов ¹⁾

-----
¹⁾ Оригинал печатный в Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д. (Дела колонистов 1786—1702 гг.); русский перевод в Государственном Архиве.

По словам самого Траппе, его „прощальное письмо" произвело невероятное впечатление на меннонитов. „Я доволен тем, — писал он гр. Остерману от 6-го марта (пов. ст.) 1788 г., — что и в таком случае они не остались бы (на родине), если бы захотели связывать их веревками. На этой неделе меня дважды посетил их епископ, старый почтенный человек, сердечно расположенный к России; я представил ему мое письмо, он поцеловал меня трижды и сказал, что все это правда, что Дух Божий внушил мне это, и верно то, что императрица величайшая женщина, какая только существовала в Мире" ¹).

Еще раз повторив в письме к гр. Остерману от 9-го марта (нов. ст.) свою просьбу о поручении отправки набранных им людей Соколовскому, Траппе затем выехал из Данцига, но не в Россию, а в Любек.

2.

При 65-тидесятинном наделе на каждое семейство и при интенсивной системе хозяйства меннониты не могли обойтись без помощи батрачьего труда, без найма работников и работниц.

Занимаясь сами преимущественно земледелием, они естественно нуждались в услугах ремесленников, не принадлежавших к их религиозной общине, в особенности же таких, которые имеют прямое и непосредственное отношение к ведению сельского хозяйства, каковы, напр., кузнецы.

Наконец, намереваясь организовать сбыт продуктов своего хозяйства по Днепру и Черному морю, меннониты должны были ощутить потребность в людях, привычных к водной стихии, в матросах. (В людях последней категории нуждался и императорский флот, заведенный кн. Потемкиным на Черном море).

Трудно было рассчитывать на то, что в слабо населенном Новороссийском крае найдутся эти три категории рабочих людей в достаточном количестве, и потому приходилось подумать о приглашении их из-за границы.

Когда в 1787 г. Траппе вторично отправлялся со своей „коммиссией" в Данциг, то ему одновременно поручено было резолюцией императорского кабинета, за подписью графа Але-

-----
¹) Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Дела колонистов 1786—1792 гг.

ксандра Безбородко, „набрать для меннонитов в Мекленбургских владениях значительное число батраков и служанок, а также некоторых им в высшей степени необходимых ремесленников" ¹⁾

В северной Германии в XVIII столетии Мекленбург был страной по преимуществу крупного дворянского землевладения, где крестьянин спустился до положения батрака.

С развитием денежного капиталистического хозяйства здесь, как и в других государствах Германии, дворяне начали стремиться к завладению крестьянскими землями, вопреки обычному праву. Опираясь на чуждое римское право, не считавшееся с своеобразными условиями владения и права средневековой Германии, дворяне старались поставить своих крестьян в положение временных арендаторов, у которых они в праве на законном основании взять земли и отдать в аренду. Это им в конце концов и удалось. Большую роль в создании крупного дворянского землевладения, помимо реформами, с её секуляризацией церковных земель, и тридцатилетней войны, сыграла *огороженная* или *выгонная система полеводства*, которая в начале XVIII столетия произвела переворот в сельском хозяйстве. „Эта система хозяйства основана на том, что через известные периоды обработка почвы меняется. Поля, засеваемые зерном, оставляют на несколько времени в покое и превращают их в искусственные пастбища. Этот порядок усиливает разведение скота и позволяет ограничить число работников. Дворяне буквально массами гнали крестьян с их собственной земли, чтоб очистить себе место для новой системы хозяйства". В течение первой половины XVIII столетия таким образом дворяне в Мекленбурге выселили более 7.000 крестьян. Государственная власть была здесь бессильна противостоять организованной силе дворянства, и в 1755 году формально подтвердила право дворян выселять оседлых крестьян. После этого в течение 27 лет, по свидетельству герцога Мекленбургского в его письме к императору от 13 декабря 1782 года, рыцари выселили 49 деревень. „Однако же, если так пойдет дальше, — жаловался герцог в упомянутом письме, — то лет через двести в тех местностях моей страны, где находится собственность рыцарей и *Landschaft*, не останется ни одной деревни и ни одного крестьянина" ²⁾.

-----
¹⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д. Письмо Траппе к гр. Остерману от 7/18 февраля 1783 г.

²⁾ „Очерки из истории немецкой культуры" П. Кампфмейера (*Geschichte der Modernen Gesellschaftsklassen in Deutschland*), 36-38 стр., Спб. 1898 г.

В виду указанных особенностей своего хозяйственного строя, Мекленбург казался наиболее подходящим рынком для вербовки Батраков и работниц в меннонитские колонии. Вот почему, согласно упомянутой выше резолюции императорского Кабинета, уже в декабре 1787 года Траппе послал своих эмиссаров в „Нижнюю Саксонию" (Nieder Sachsen, т.е. ниже-саксонский округ священной Римской империи, в состав которого входил Мекленбург) для приглашения необходимых меннонитам батраков, ремесленников и работниц. Сборным пунктом для них был назначен Любек, куда и направился Траппе после выезда из Данцига.

Однако он не намерен был оставаться здесь на продолжительное время и лично руководить набором и отправлением этого рода переселенцев: свою задачу он видел в том, чтобы лишь наладить, организовать это дело.

Высший надзор и контроль за отправлением эмигрантов из Любека Траппе возложил на тамошнего русского консула надворного советника Сапожникова, в распоряжение которого он доставил и денежные средства (3.000 марок). Наем кораблей, посадка в них колонистов и составление именных списков последних с указанием их возраста, места рождения и вероисповедания были поручены особому обер-инспектору Калю (Kahl). Эти списки при письме Сапожникова должны были пересылаться в Ригу в контору английских купцов — Торлея, Морисона, Угтерлони и К0, которой поручено было производить платежи за доставку и пересылку колонистов и содержать их в Риге до отправления на место водворения.

Наконец, самая вербовка эмигрантов, с обязательством доставки их прямо на корабли, была поручена особым трем агентам: 1) Генриху Христофору Герлаху, уроженцу Гамбурга, 2) Христофору Мейбауму из Гильдесгейма (aus dem Stifte Hildesheim gebürtig) и 3) Иоганну Адольфу Лангерману в Данциге.

В письме Траппе к Сапожникову из Альтоны от 16 апреля 1788 г., из которого мы почерпнули сведения о данной переселенческой организации, указываются и её мотивы, а равно сообщаются сведения о вербовщиках и даются Сапожникову указания, в какие отношения он должен стать к последним. „Я прошу вас заметить, пишет Траппе Сапожникову, — что не безразлично, каких людей мы будем принимать: не следует принимать разных бесполезных бродяг, которые будут напрашиваться. Отныне и во все продолжение войны следует принимать только таких людей, которых её императорское ве-

личество именным указом сама соизволила назначить для блага и содействия меннонитским колониям. Это значить, главным образом, батраков и работниц для земледелия и таких ремесленников, которые нужны меннонитам, а также матросов и т. д." ...

„Так как я по опыту в Данциге знаю, что ничто не производит такой сенсации и такого движения, как если собрать в большом городе много народа, чтобы содержать его и выдавать кормовые деньги, и так как отсюда возникает еще то зло, что сбегается много негодных бродяг, желая получить содержание, то я предусмотрительно заключил контракт с неким Генрихом Христофором Герлахом, уроженцем Гамбурга, чтобы он принимал втихомолку, на счет короны, только таких людей, которых я уже с декабря месяца прошедшего года пригласил через посланья в Нижнюю Саксонию агентства (Emissarien), чтобы поименованный сейчас Геллах собирал людей, потом их, когда корабли будут почти готовы к отплытию, отводил франко на корабль, за что он, согласно условию, получит с каждой головы, не считая только детей моложе 15-ти лет, по 4 ходячих Любекских марки, а именно половину, т.-е. две марки, при отплытии каждого корабля из рук вашего высокоблагородия, а другую половину в Риге после прибытия колонистов. Таким образом ваш труд облегчается: вам не придется выдавать кормовых денег всякому в отдельности, а только при отбытии каждого корабля вы возьмете у г-на Каля удостоверение в том, сколько голов Герлах отвел на корабль, и вы заплатите ему за каждую голову старше 15 лет по две Любекских марки, взяв с него квитанцию.

„Если некий Христофор Мейбаум из Гильдесгеймского монастыря, котораго я в декабре прошлаго года послал из Данцига с полномочием пригласить здоровых молодых батраков и работниц, приедет к вам и привезет с собою хороших людей, то я прошу выдать ему удостоверение в том, сколько взрослых людей привел он на корабль, по которому, при своем прибытии в Ригу, он получить условленную с ним сумму денег. Если у этого Мейбаума выйдут деньги, напр., в Любеке, то ваше высокоблагородие могли бы ему в том случае, когда он привезет людей, выдать, раз он потребует денег, 30 или 40 Любекских марок в счет той суммы, которую он должен получить в Риге.

Я снабдил также некоего Иоганна Адольфа Лангермана в Данциге полномочием принимать людей. Если он приведет на

корабль хороших безупречных людей, то я прошу принять их, и ему, Лангерману, выдать удостоверение, сколько он привел голов, по которому он получит в Риге следуемое ему вознаграждение при передаче людей. Но выдать Лангерману в Любеке деньги на руки я считаю опасным, потому что он кажется мне недостаточно солидным и надежным".

За провоз колонистов от Любека до Риги Траппе считал возможным заплатить шкиперам по 2 Альбертовских талера с человека и по столько же за содержание, — всего, следовательно, за провоз и содержание от Любека до Риги по 4 талера с человека; но чтобы заинтересовать самих шкиперов в этом деле и тем обеспечить успех эмиграции, он рекомендовал Сапожникову лучше отделить плату за провоз от платы за содержание колонистов, определив последнюю в 25 коп. за день для взрослого эмигранта и в 15 копеек для малолетнего, не достигшего 15 ти лет ¹⁾).

Всем этого рода эмигрантам, направлявшимся в Россию через Любек, Траппе гарантировал следующие права и преимущества:

- 1) Бесплатное путешествие (*freye Reise*) от Любека до Риги водою.
- 2) Как только они (эмигранты) придут в Ригу, т.-е. внутрь русских границ, каждому взрослому человеку как мужского, так и женского пола — ежедневно четверть рубля, т.-е. 25 копеек, и каждому несовершеннолетнему ниже 15-ти лет — ежедневно 12 копеек денег на продовольствие.
- 3) Равно такие же продовольственные деньги и бесплатный проезд от Риги сухим путем до места водворения (*bis an Ort und Stelle*).
- 4) Сверх этого — содержание до первой жатвы.
- 5) Свободное исповедание веры (*freye Religionsübung, es sey, welche Religion es wolle*).
- 6) Вечное освобождение от всякого рода военной службы (*ewige Befreyung von allen Soldatenübungen*).
- 7) Батракам и работницам — хорошую и приличную плату от 18, 20, 24 до 30 рублей, смотря по тому, что они за люди; и когда они со временем захотят вступить в брак и поселиться (*ansetzt*) — дом с необходимыми хозяйственными постройками, 60 десятин земли, также необходимое количество

-----
¹⁾ Post-Scriptum к письму Траппе на имя Сапожникова от 16 апреля 1788 г

-скота ((Zug-und-Nutz-Vieh) и 100 рублей ссуды для покупки на месте водворения земледельческих орудий и проч., сверх того десятилетнюю льготу от податей, по истечении которой назначается ежегодная подать неизменно в 9 рублей.

8) Ремесленникам в деревне — собственный дом и столько пахотной земли и лугов, сколько они желают иметь, при 100 рублях ссуды и 10-ти льготных (от податей) годах.

9) Ремесленникам в городах — в течение полугода бесплатную квартиру, 10 льготных лет и 100 рублей ссуды.

10) Свободу опять выехать из России, когда пожелают, если только возвратят короне ссуду и уплатят подать за три года вместо десятины (т.-е. десятой части нажитого в России имущества) ¹⁾.

На этих условиях консулом Сапожниковым было отправлено в Россию всего 43 человека обоого пола ²⁾ в течение двух месяцев, с апреля по июнь 1788 г., когда русский посланник в Гамбурге Гросс предписал приостановить дальнейший прием эмигрантов такого рода впредь до новых распоряжений из Петербурга ³⁾.

Дело в том, что еще письмом от 30 марта 1788 года вице-канцлер гр. Остерман, „вследствие точнаго приказания" императрицы, поручил Гроссу принять в свое ведение „колониетскую комиссию" со всеми ассигнованными на нее фондами. „Они (фонды) вверены вам с тем, — писал вице-канцлер Гроссу, — чтобы вы продолжали их употреблять сообразно намерениям двора, и чтобы вы вспомоществовали ими тем лицам, которых г-н Траппе принял на службу государству, разумеется, всякий раз, как вы предварительно удостоверитесь в их неизменном намерении отправиться в Россию, точно также как и относительно времени их действительного отправления. Мне нет нужды предупреждать вас относительно осмотрительности и мер предосторожности, которых требует выполнение плана, составленного во времена более спокойные, и который настоящие обстоятельства могут заставить рассматривать с ложной точки зрения. Ваша проницательность не позволяет

-----
¹⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Дела колонистов 1786— 1792 гг., письмо Траппе к Сапожникову от 16 апреля 1789 г. из Альтоны.

²⁾ Там же: "verzeichniss von Personen, die auf Anordnung des Herrn Director Trappe zum besten derer Mennonisten-Colonien in Taurien und heils für die Russisch-Kayserliche Flotte auf dem Schwarzen Meer allhier engagirt worden und mit denen nachher zugleich bemerkten Schiffen abgeseegelt sind" ... Отправка колонистов обошла с небольшим в 923 марки.

³⁾ Там же: письмо Гросса к гр. Остерману от 20 июня, 1 июля.

мне сомневаться в том, что вы направите Ваши шаги таким-манером, чтобы избежать всякой огласки, оказывая в то же время новым колонистам ободрение, какого они будут заслуживать" ¹⁾

Одновременно, своим письмом от того же 30 марта, гр. Остерман предписывал Траппе немедленно, перед отправлением в Россию, явиться в Гамбург к русскому посланнику и не только объяснить ему причины своего путешествия в Нижнюю Саксонию, но и дать отчет в тех денежных суммах, которыми он был снабжен при отъезде из России ²⁾ Письмо это было доставлено Гроссу для пересылки в Любек по назначению, но оказалось, что еще дней за 8 или за 10 до получения письма в Гамбурге, Траппе проехал через этот город в Голландию, „чтобы сделать там несколько новых наборов" (колонистов), куда Гросс и переправил письмо вице-канцлера с приложением собственного письма, в котором убеждал Траппе немедленно вернуться в Гамбург, дабы сообща выполнить данные им обоим приказания двора ³⁾. Но возвращение в Гамбург и затем оттуда в Россию не входило в намерения Траппе: ему вовсе не хотелось расставаться с тем независимым и доставлявшим большие материальные выгоды положением, которое обеспечивала ему „колонистская комиссия"; при этом он мог рассчитывать на скорое прекращение войны и на покровительство Потемкина, а потому под разными предлогами не исполнял предписания гр. Остермана о даче отчета в израсходованных суммах и о возвращении в Россию. Придумывая все новые и новые препятствия к исполнению этого предписания, Траппе один за другим составлял обширные проекты о соединении всех меннонитов в одну религиозную общину и о привлечении в Россию таких иностранцев, которые могли бы оказать ей существенные услуги в деле развития торговли, мануфактур, земледелия, судостроения и мореплавания.

На вышеупомянутое предписание вице-канцлера он отвечал следующим образом в письме из Амстердама от 22 апреля/ 3 мая 1788 г.:

„Получи я это (письмо) в бытность мою в Гамбурге, я не поехал бы в Голландию. Но не получая в течение 8-ми недель никакого ответа на мое покорнейшее письмо от 18 фев-

-----
¹⁾ Архив Гамбургской миссии (в Москов. Гл. Арх. Мин. Вн. Д.).

²⁾ Там же.

³⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Дела колонистов 1786—1792 г., письмо Гросса к гр. Остерману от 18/29 апреля 1788 г.

раля, как я сообщил также г. Соколовскому в Данциг, вполне соответственно обстоятельствам счел долгом последовать инструкции моего светлейшего начальника и сообразно с этим приступить, наконец, к путешествию по Голландии, благодаря дальнейшему откладыванию которого интересы корон сильно пострадали бы ¹⁾). В течение 11 дней, которые я здесь нахожусь, я не щадил усилий, чтобы быть полезным, имел при этом хороший успех, и дело дошло до того, что будет созван синод меннонитского духовенства под предлогом изыскания подходящего средства (ein schickliches Mittel ausfindig machen) к соединению и слиянию в одну согласную общин эмигрирующих в Россию даинигских менионитов, которые все в лице их предков происходят из Голландии и ныне разделяются под именем грубых и учтивых менионитов, внушить им друг к другу ту самую веротерпимость, которая здесь достойным подражания образом господствует в общине van het Lam en den Thoren. Если бы это осуществилось, то о? могли бы не только между собою вступать в браки, но и с представителями иных вероисповеданий, что принесло бы большую пользу государству.

„Я имею еще по поводу синода, к выгоде России, совершенно другия, простирающаяся на будущее время важныя намерения, о которых я до времени не могу письменно распространяться.

„Вследствие милостиваго письма вашего сиятельства я там устрою (Durch Veranlassung Eu. Erlauch gnadigen Schreibe werde ich meine Einrichtung nun so machen, das ich mich noch einige Tage hier aufhalte), чтобы мне остаться здесь еще несколько дней, дабы поддержать начатое доброе дело и не иметь необходимости снова сюда возвращаться, решив предпринять обратное путешествие из Over-Isse 1 чрез Долларт в Ост Фрисландию и *оттуда прямо в Гамбург*, как только это можно будет сделать без ущерба для интересов короны" ²⁾).

Траппе удалось заручиться посланиями голландских меннонитов к меннонитским старейшинам в Данциге и сверх этого „очень трогательным" письмом ко всем переселяющимся

-----
¹⁾ По уверению Траппе в цитируемом письме, он еще в феврале 1787 г. из Киева, с ведома и одобрения Потемкина, вступил в переговоры с голландскими меннонитами, которые „с большим усердием приглашали его к себе. Предписание графа Остермана застало его среди приготовлений к путешествию по Фрисландию и Обер-Исеель к тамошним меннонитам.

²⁾ Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Дела колонистов 1786—1792 гг.

в Россию меннонитам в совокупности. Но он был не намерен ограничиться этими результатами, так как вся его цель заключалась в том, чтобы под разными предлогами продлить свое пребывание за границей. Сейчас же у него возникает план воспользоваться происходившей в Голландии борьбой между политическими партиями — княжеской и так называемой патриотической (к последней принадлежали почти все богатые меннониты) для привлечения в Россию всех тех лиц, чьи интересы так или иначе страдали от этой борьбы. Он вступает в сношения с „патриотами“ различных голландских городов (между прочим Гаарлема и Саардама) и по требованию их отправляется в Брюссель для переговоров с эмигрировавшими туда голландскими крупными негоциантами и мануфактуристами, чтобы склонить их к переселению в Россию ¹⁾. Эти переговоры требуют прямых сношений с кн. Потемкиным, к которому Траппе отправляет курьера из Брюсселя, а сверх этого в том же Брюсселе и во Фрисландии готовятся депутации, „чтобы договариваться с князем непосредственно“. Желающие эмигрировать в Россию требуют при этом, чтобы Траппе оставался, если не в самой Голландии, то по близости от неё до тех пор, пока не будет получен ответ Потемкина. Таким образом опять находится приличный предлог не исполнять предписания гр. Остермана о прибытии в Гамбург и затем в Россию. В оправдание своего поведения Траппе совершенно некстати ссылается на то обстоятельство, что гр. Остерману, когда он отправлял свое предписание от 30 марта, не было известно о назначении Каля обер-инспектором по отправке батраков и ремесленников для меннонитских колоний,

-----
¹⁾ В письме к Гроссу от 12—23 мая из Амстердама Траппе, между прочим, писал: „Itzt noch ist der Zeitpunkt, dass Russland von denen hier immer noch herrschenden Unruhen Nutzen ziehen kann, vornehmlich in Ansehung derer Mennonisten, die bis diese Bunde erzpatriotisch gesinnt sind“... Ew. Excellence belieben ja nicht zu glauben, als wenn hier die Gährung und Erbitterung der Gemüther schon aufgehört hatte. Keineswegs! Ich Habe hier von etwa 9 Tagen von dem angeblich prinzlich-gesinnten Pöbel Excesse begehen sehen, deren sich vielleicht die guten Tataren in der Krimm geschämt haben würden“. В письме к гр. Остерману от 5/16 июня из Брюсселя Траппе также говорит о волнениях в Голландии: "Ich bin seitdem die vereinigten Provinzen mit grossem Success durchgereiset, und habe zu meiner höchsten Verwunderung eine unglaubliche Gährung in denen Gemüthern angetroffen, wovon Russland fürs Commerce, Manufacturen, für die Landes-Cultur und für den Schiff-Bau und Schiff-Fahrt einen alle Erwartung übertreffenden soliden Nutzen ziehen kann. Denn die prienzlich-gesinnete Parthey übertreibt es und bringt die Patrioten, deren es in manchen Provinzen, als in Friesland, Gröningen und Nord-Holland ganz ausserordenlich viele giebt, zur Verzweifelung, so dass brave wohlhabende Leute noch täglich emigriren, wovon ich als Augenzeuge sprechen kann".

какое назначение делало излишним дальнейшее пребывание в Любеке самого Траппе. „Это было бы для меня большим и, наверное, незаслуженным унижением, если бы министерство в Петербурге хотело думать обо мне, — писал Траппе гр. Остерману (от 5/16 июня из Брюсселя),— что я не могу быть употреблен ни на что лучшее, как только отправлять Батраков и работниц. Последствия научат противоположному и укажут, что я способен сделать для важнейшей пользы России. Только мне очень жаль, что я должен опасаться, что даже в Петербурге из зависти к славе князя (Потемкина) могут быть ставимы препятствия, коль скоро дойдет до того, чтобы привлекать в Херсон крупных негодичантов, мануфактуристов, судо-и мельнице-строителей”.

Полагаясь на покровительство Потемкина и пугая именем подледного гр. Остермана, хотя и в очень почтительной форме, Траппе продолжал в указанном письме”:

„Когда ваше сиятельство в будущем соизволите мне присылать приказания, я испрашиваю себе теперь только как милости, чтобы таковыя, где возможно, могли согласоваться:

- 1). с моей от князя Потемкина полученной письменной инструкцией;
- 2). с одобренной князем письменной конвенцией, которая также определяет, как должны быть исчисляемы мною денежные суммы по числу голов, без обременения этим г. министра Гросса в Гамбурге, и
- 3). с всемилостивейше утвержденными императрицей привилегиями, которые служат для меня руководящей нитью”.

О своих намерениях и планах Траппе извещал не только гр. Остермана, но и посланника Гросса в Гамбурге, чрез посредство которого отчасти велась и самая переписка с вице-канцлером.

Гросс был возмущен письмами Траппе и дал настоящую оценку его поведения в своих донесениях вице-канцлеру. Получив письмо Траппе от 12/23 мая из Амстердама, в котором он сообщал о своем намерении отправиться в Фрисландию, чтобы воспользоваться происходившими там волнениями для привлечения эмигрантов в Россию, Гросс писал вице-канцлеру от 16/27 мая 1788 г.: „Сколь сильно я ни склонен во всех отношениях, и в особенности после точных приказаний со стороны нашего августейшаго двора, которые я внушил ему о предмете его частного поручения, разсматривать все содержание его письма, как болтовню и приманку, предна-

значенныя к тому, чтобы маскировать некоторым образом его дурное намерение, тем не мене я считаю своей обязанностью не освободить себя от представления здесь на усмотрение вашего сиятельства... верных копий с этой новой присылки г. Траппе ко мне (des copies fidèles de cette nouvelle expédition du Sr. Trappe à moi), дабы вы сами могли судить об излишестве его преувеличенного усердия или скорее его дерзости, обнаруженной в этом случае".

Получив затем сразу два письма Траппе (от 5/16 июня) из Брюсселя — одно на свое имя, а другое — на имя гр. Остермана (отрывки из этого последнего письма были приведены выше), Гросс снова писал вице-канцлеру от 13/24 июня:

„Согласно тем понятиям, которыя я имею благодаря сведениям, полученным от вашего сиятельства, я откровенно признаюсь, что продолжение этой корреспонденции мне кажется совершенно также непонятным, как (и) содержание этих писем; но все же для меня невозможно сочетать все новые и обширные проекты г. Траппе с теми точными приказаниями, которыя предписаны ему нашим августейшим двором" ¹⁾).

В Петербурге, повидимому, были сделаны попытки воздействовать на Траппе чрез Потемкина, но они ни к чему не привели ²⁾: из Брюсселя Траппе переезжает в Лондон, откуда в письме от 8 июля (нов. ст.) 1788 г. сообщает вице-канцлеру новые проекты о привлечении в Россию разного рода эмигрантов и обещает ей от своей деятельности всякое ожидание превосходящие выгоды „для (умножения) населения, для торговли и мануфактур и, что самое главное и дает основание всему — для культуры прекраснейших и плодороднейших... (но) к сожалению лежащих неводеланными земель".

На этот раз вице-канцлер не счел возможным отделяться молчанием от предложений Траппе, и в письме от 8 августа того же года (ст. ст.) повторил ему данные раньше приказания.

-----
¹⁾ Моск.. Главн. Арх. Мин. Ин. Д.: Дела колонистов 1786—1792 гг.

²⁾ Гросс в письме к вице-канцлеру из Гамбурга от 20/31 октября 1788 г., упомянув о получении консулом Сапожниковым двух писем от Траппе, писал: „Selon la première, qui est datée de Londres dr 5 Août il paroît, que ce dernier (Trappe) continue de poursuivre son voyage et les recherches y relatives, quoique par une contradiction très évidente il y fasse mention en meme temps d'un ordre exprès, par lequel Monseigneur le Maréchal Prince de Potemkin, sur les instructions duquel il s'est reporté toujours depuis, lui doit avoir enjoint en date du 10 juin de cette année, de surseoir jusqu'à une paix prochaine toute démarche ultérieure touchant sa soumission".

„Ни одно из ваших писем, — говорилось в письме вице канцлера, —со времени отъезда из Данцига до вашего прибытия в Лондон, не ускользнуло от внимания ея императорскаго величества. По высочайшему повелению я имею повторить вам отправленные в моем письме от 30 марта точныя приказанія потому что теперь не такое время, когда можно заниматься набором и водворением новых колонистских семейств. Вы должны поэтому во всех пунктах сообразоваться с предписаниями, изложенными в вышеуказанных письмах, и по получении сего, до заключения, дай Бог, скорого мира, воздержаться от дальнейшего набора (Enrolliren) колонистов, а также от осуществления остальных, вами предложенных проектов ¹⁾).

Но и это письмо не удержало Траппе ни от продолжения своего путешествия, ни от представления новых проектов. Вскоре его мы видим в Шотландии, откуда он (из Глеси от 30 сентября 1788 года) обращается в Любек к консулу Сапожникову с предложением произвести расчет в тех суммах, которые ему были вверены на отправку в Россию батраков и работниц. Но Гросс предписал Сапожникову оставшиеся от этой операции деньги (2076 мар. с небольшим или приблизительно, по определению Гросса, 600 экю) оставить неприкосновенными и отнюдь не возвращать Траппе. Это дало последнему повод жаловаться, что секвестр указанной небольшой суммы лишил его возможности „доставить государству множество колонистов и матросов" ²⁾).

Вернувшись в Англию, Траппе от 27 октября посылает письмо вице-канцлеру, в котором объясняет цель своей поездки в Шотландию и излагает новые свои проекты.

„После того, как я вернулся из моего путешествия в Шотландию, — говорилось между прочим в этом письме,— *где я внимательно присмотрелся к земледелию и фабрикам*, и где я нашел, что жители, вообще говоря, лучше относятся к России чем в Англии, моя великая, даже безграничная, жажда учиться и расширить свои познания, особенно касательно таких фабрик которыя интересны для России, привела меня вторично в Йоркшир и я вам пишу это письмо из имения одного из моих старых друзей (Tyresal in Yorkschire) Ричарда Торнтонa, бывшего долгое время главою (chef) английских кунцов в Гамбурге его большія сведения могут мне многое осветить, тем более

-----
¹⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. д.: Дела колонистов 1786—1792 гг..

²⁾ Там же: письмо Гросса к гр. Остерману от 20/31 октября 1788

что его имение лежит между Галифаксом и Лидсом, где находятся важнейшие шерстяные иоркширские мануфактуры. О, если бы я дожил до того дня, когда Россия последует примеру англичан, создаст в деревнях класс мелких мануфактуристов и даст им возможность каждый кусок материи, сотканной на собственных ткацких станках, немедленно превратить в деньги. При некотором желании это можно осуществить, и быть может в будущем я смогу указать пути, ведущие к осуществлению этого. Через три недели я думаю снова быть в Лондоне и буду рад найти там от вашего сиятельства ответ, который несомненно дойдет до меня, если будет адресован на имя придворного банкира Сутерланда".

Едва ли Траппе дождался от вице-канцлера какого-либо ответа на это письмо, что, впрочем, нисколько не мешало продолжению его путешествия.

В 1790 г. он путешествует по Франции, знакомясь там с состоянием промышленности и входя в сношения с фабрикантами и ремесленниками, а в 1791 г. появляется в Лозанне в Швейцарии.

Столь настойчиво отказываясь повиноваться предписаниям вице-канцлера о приостановке своей деятельности до восстановления мира, Траппе, очевидно, надеялся на скорое прекращение военных действий и покровительство Потемкина, который, по заключении мира, вероятно снова бы принялся за свою энергичную деятельность по заселению и оживлению пустынного Новороссийского края, и не оставил бы без внимания проектов, преследовавших эту цель. Но надеждам Траппе не суждено было осуществиться: война затянулась, и сам Потемкин не дожил до заключения мира. Траппе теперь не оставалось иного исхода, как просить императрицу об увольнении его от должности „директора и попечителя колоний", состоявших в ведении Потемкина. Это он и сделал в прошении на имя императрицы и в письме и „мемориале", адресованных вице-канцлеру. Все три документа датированы Лозанной 30 -м декабря 1791 года.

Но, подавая прошение об увольнении и ходатайствуя при этом о награждении его чином коллежского советника и орденом св. Владимира, Траппе питал надежду, что его отставка не будет принята, и одновременно с просьбой о ней предлагал свои услуги для вызова в Россию „разных фабрикантов, ремесленников и хлебопашцев из Германии, Англии, Франции и Голландии".

В случае, если его услуги будут приняты, Траппе просил об уплате ему жалованья, следуемого в силу условия, заключенного им с покойным кн. Потемкиным, о назначении с 1 января 1792 г. нового жалованья в размере 1200 голландских дукатов ежегодно, о награждении чином статского советника и даровании права на пенсию в 600 голландских дукатов.

Несмотря на заключение мира с турками в декабре 1791 г. в Яссах, развязывавшее руки правительству для внутренней деятельности, предложения Траппе были отклонены письмом вице-канцлера от 13 февраля 1792 г.

Граф Остерман в означенном письме писал Траппе, что императрица в данный момент не видит никакой необходимости в вызове предлагаемых им колонистов, между тем как в письме от 8 августа 1788 г., когда был жив Потемкин, вице-канцлер предлагал оставить проекты о вызове *до заключения мира*. Естественно, что отказ русского правительства очень не понравился Траппе, и в его запоздалом ответном письме (из Невшателя от 4 октября 1792 г.) звучит очень заметная нота раздражения.

„Тотчас же, — писал Траппе вице-канцлеру, — по получении вашего милостиваго письма от 13 февраля текущего года я не преминул, во всеподданнейшее исполнение сообщенной мне высочайшей императорской воли и приказа, отказать рабочим, фабрикантам и поселянам, которые заявили мне о своем желании поселиться в Крыму и в Новой Сербии, и предложения которых я должен был принять к сведению в силу именной инструкции покойнаго кн. Потемкина, при чем я присоединил (к отказу) объяснение на английском, голландском, немецком и французском языке, как вы изволите выразаться, что *„ея императорское величество не видит в этом в данную минуту никакой необходимости“*. Такое объяснение произвело естественно удручающее впечатление на многих порядочных людей, особенно же на добрых французов, которые, теснимые страшной нуждой в их отечестве и господствующей в нем невероятной безработицей ¹⁾, настоятельнейшим образом просили меня перенести их промышленность и их уменье в Крым, как я об этом откровенно и обстоятельно докладывал его превосходительству тайному советнику Симолину, бывшему послу в Париже.

-----
¹⁾ Это было время революции во Франции.

Я никогда не беспокоил бы ея императорского величества ни своим рапортом, ни своими предложениями, если бы ваше сиятельство не писали мне в письме от 8 августа 1788 г., чтобы я воздержался от дальнейшей вербовки колонистов, а также от исполнения других мною предложенных проектов до возстановления мира. Я поэтому и ждал до заключения мира".

Упомянув далее о своей решимости не обращаться более к русскому правительству с новыми предложениями и выразив уверенность, что императрица „zur Aufrechthaltung der öffentlichen Treue und des guten Glaubens" желает исполнения контрактов, заключенных покойным кн. Потемкиным, и не требует того, чтобы он (Траппе), в качества директора и куратора колоний, служил без жалованья, Траппе просил выдать ему: а) заслуженное и не полученное жалованье, б) 1980 руб. денег, затраченных им на отправку колонистов и в) 2076 любекских марок, составляющих около 270 голландских дукатов ¹⁾, которые удержаны консулом Сапожниковым вопреки контракту, заключенному им, Траппе, с кн. Потемкиным. „Если такой контракт в России недействителен" (nicht gelten sollte), заключает Траппе, то я по истине должен пожалеть каждого честного человека, который захотел бы иметь дела с высокой короной".

Данное письмо Траппе гр. Остерман представил императрице, которая повелела удовлетворить требования „сего вызывателя", если они окажутся справедливыми, решение же вопроса о том, насколько они справедливы, предоставить генерал-майору Василию Степановичу Попову, как человеку близкому к Потемкину и посвященному во все его дела и планы. Во исполнение этого повеления вице-канцлер при своем письме от 2 ноября 1792 г. препроводил к Попову как последнее письмо Траппе от 4 октября 1792 г., так и все другие документы, могущие пролить свет на предстоящий его решению вопрос. К какому заключению пришел генерал Попов по разсмотрению всех этих данных, из архивных документов не видно. Но от самого „вызывателя" обратимся теперь к набранным им и покинутым в 1788 г. в Данциге меннонитам ²⁾.

-----
¹⁾ „...„Dukaten... die ich ihm haar anvertrauet, um solche nach Riga zur Bestreitung der Transport-Kosten einer kleinen holländischen Colonie zu übermachen, die ich nebst einem Prediger aus Edam auf ausdrücklichen schriftlichen Befehl des sel. Fürsten nach Riga habe senden müssen und die, falls ich recht berichtet bin, von ihm von Dubrovna aus nach Arabat in der Krimm gesandt worden".

²⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин, Д.: Дела колонистов 1786—1792 гг..

Депешей от 30 марта 1788 г. гр. Остерман предписал Соколовскому взять на себя отправление в Россию набранных Георгом Траппе меннонитов. В ответ на это предписание (в донесении от 19/30 апреля того же года), упомянув о своей готовности приложить „крайнее рачение" к отправлению в Ригу „сготовившихся туда ехать колонистами гданских менонитов", Соколовский выражал опасение насчет благополучного исхода порученного ему дела: „но не без опасности предвижу я, — писал он вице-канцлеру, — великое в том теперь затруднение и почти самую невозможность по той причине, что мне такого отправления морем скрытно предпринять в разсуждении прусского Фарвассера никак не можно, а публично и сам магистрат дозволения дать не смеет, дабы чрез то не подать неприятелям его причины к приписанию ему того в непростительное преступление. Я хотя еще и никому не объявлял содержания вышепомянутой вашего сиятельства депеши, однако уже меня здесь подозревать начинают, и для того теперь слышу я, что правление отказывается давать от себя пашпорты едущим гданским людям в Россию. Со всем тем, презирая все трудности и заботы, намерен я неустрашимо, но осторожно, дабы не зависеть от пруссака здесь резидента, отважиться послать, если счастье мне послужит, некоторое число колонистов сухим путем; и для того писал я в Ригу и Митаву, дабы сюда прислано было несколько русских с подводой извозчиков: *ибо как гданским и прусским здесь фурманам, так и шкиперам запрещено под великим штрафом каждому от своих начальников наниматься везти в Россию отсюда каких бы то ни было колонистов...*

„Прусский здесь обретающийся резидент, имея главную команду над Фарвассером, изъясняется уже нарочно, что и он с своей стороны никого из гданских жителей из оной гавани велеть пропустить не может без гданскаго пашпорта. Для того я принужден был отказать одному дацкому шкиперу, приехавшему было из Дании сюда нарочно со мною подрядиться для колонистскаго такого же транспорта, какой он уже и прежде здесь имел от г. Траппе" ¹⁾

-----
¹⁾ Моск. Гл. Арх. Мин. Иностр. Дел: Сношения России с имперскими городами, III, Dantzig.

Само данцигское правительство не удержалось от протеста против деятельности Соколовского по переселению меннонитов в Россию; правда, письмо заключавшее протест, носило полуофициальный характер, как „писанное под видом одного сенатора“, но в действительности оно выражало мнение всего магистрата и при том с большей свободой, чем это допускалось в строго официальных актах. В письме указывалось на неискренность поведения России, которая вместо того, чтобы оказывать городу свое покровительство, стремится обезлюдить и привести его в упадок, заботясь только о своей выгоде; что прусские эмиссары, очень чуткие ко всему, что может служить их интересам, пользуются этим для возбуждений данцигской буржуазии против России „и стараются под рукою (скрытно) сеять величайшее недоверие к русскому Двору“¹⁾.

Однако последний, несмотря на этот протест магистрата и неблагоприятные политические обстоятельства того времени, не мог отказаться от переселения меннонитов и прочих колонистов, принятых Траппе, так как они уже ликвидировали на родине свои имущественные отношения: запрещение переселиться в Россию разорило бы их и уронило бы престиж русского правительства, за границей. Вот почему данное Соколовскому предписание не могло быть отменено. Магистрат должен был считать себя удовлетворенным уже и тем, что специальный агент для набора колонистов, производящий вербовку их явно и с шумом, был удален из Данцига.

Впрочем, сам Соколовский понял повидимому шире возложенную на него „весьма для государства нашего полезную комиссию“ и не ограничился отправлением в Россию только на вербованных Траппе колонистов, но принимал в число эмигрантов и новых лиц; тем не менее его деятельность не сопровождалась вызывающим и раздражающим шумом, происходила как бы втихомолку²⁾.

-----
¹⁾ „Il faut Vous faire Monsieur“ говорилось в адресованном Соколовскому письме, „encore une remarque, c'est que le troisième ordre a fait au Magistrat dernièrement que plusieurs mennonites du territoire Dantzigois quittent la ville, pour s'embarquer a Riga, au-delà de 200 familles; que Vous leur donniez des passeports, que pareille chose se faisoit pour des fils de paysans jeunes et de grande taille, lesquels s'embarqueront pour la Russie afin de devenir soldats et caet., que le dit ordre prend tout cela pour une marque trop évidente, que la Russie, au lieu de protéger la ville, ne tendoit qu'à, dépeupler et détruire la ville, et profiter de ses dépouilles. Los émissaires prussiens, trop vigilants en tout ce qui peut servir leurs intérêts, insinuent aux bourgeois de pareilles propos contre la Russie, et s'empresent sous-main de semer la plus grande méfiance contre Votre Cour, Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., Dantzig: Приложение к письму Соколовского от 18/29 апреля 1788 г.

²⁾ В письме от 11/30 апреля Соколовский между прочим писал вице-канцлеру: „После отъезда отсюда г. надворного советника Траппе, отправил я

С марта по ноябрь 1788 г. Соколовский отправил в Ригу тысячу триста тридцать три (1,333) души обоего пола меннонитов и лютеран, при чем те, которым удавалось получить надлежащий „вольный" паспорт от прусского резидента, отправились туда морем, а остальные сухим путем. По прибытии в Ригу эмигранты поступали в ведение тамошней конторы английских купцов — Торлея, Морисона, Угтерлони и К0, которая выдавала им кормовые деньги до тех пор, пока правительство не отправляло их в город Дубровну. В Дубровне же ближайшее попечение о колонистах было возложено на управляющего дубровенским графством обер-квартирмейстера барона Карла Маркловскаго, который с наступлением весеннего времени должен был озаботиться отправлением их водою в Екатеринославское наместничество для водворения.

Так как подрядчики, явившиеся по публикации могилевского правления, требовали слишком высокой платы за перевозку туда колонистов и их имущества, а именно — по 50 рублей с души и по 40 копеек с пуда клади, то Маркловский, „единственно предохраняя казну от излишних издержек", согласился взять подряд на себя, полагая за перевозку до Кременчуга по 15 рублей с человека и по 25 копеек с пуда клади; за перевозку же от Кременчуга далее до Екатеринослава он потребовал дополнительной платы по 7 рублей с души и по 10 копеек с пуда клади „в разсуждении дороговизны в тамошних местах в найме рабочих людей". На приготовленных Маркловским баржах и совершилась перевозка колонистов в Новороссийский край весною 1789 года ¹⁾

Неизвестно по каким соображениям правительство отказалось от водворения меннонитов на выговоренных ими местах у Конских Вод, а отвело им для поселения лежащее по правому берегу Днепра урочище Хортицы с островом того же имени.

Здесь меннониты основали 8 колоний: Хортица, Розенталь, остров Хортица, Эйнлаге, Кронсвейде, Нейенбург, Нейндорф и Щёнгорст; прибывшие же одновременно с ними из Данцига колонисты лютеранского вероисповедания были водворены в количестве 90 семей особой колонией в Новомосковском уезде

уже благополучно в Ригу сухим путем без малейшаго шуму и примечания 99 душ мужеска и женска пола как меннонитскаго, так и лютеранскаго исповедания колонистов, на русских тогда нечаянно здесь случившихся подводах"... Моск., Гл. Арх. Мин. Иностр. Дел, Dantzig,

¹⁾ Государственный Архив.

Екатеринославской губернии, где им отведено было 3,970 десятин 1,558 сажень удобной земли. От имени своей колонии Иозефсталь они получили название Иозефстальских; среди них были не только земледельцы, но и ремесленники ¹⁾).

Поселение в Новороссии упомянутых выше меннонитов, которых называют меннонитами первого водворения, предпринято было не в добрый час. Главный организатор в деле заселения Новороссийского края и покровитель иностранных колонистов, Потемкин, был занят в это время военными действиями против турок, а потом в 1791 году скончался. К тому же война истощила средства казны, и последняя, нуждаясь в деньгах, не могла своевременно выполнить своих обязательств перед меннонитами по выдаче им выгодных пособий в размере 500 рублей на каждое семейство. Деньги выдавались меннонитам по частям и тратились ими на текущие расходы по содержанию семьи и необходимое обзаведение домашней утварью; на то же пошел и выданный им в количестве 120 бревен на семейство лес, который они продавали для той же цели. Дело в том, что собственных средств у меннонитов не было никаких, и даже привезенные ими с родины домашние вещи перепортились совершенно или отчасти во время пути; в мало же культурном и слабо заселенном Новороссийском крае приобретение необходимых в хозяйстве предметов требовало больших расходов. Немудрено поэтому, что положение меннонитов в первые четыре года по водворении было далеко не завидным, о чем свидетельствует и письмо Траппе к вице-канцлеру гр. Остерману от 4 октября 1792 года. В этом письме Траппе между прочим писал:

„Голландские меннониты, в особенности некоторые очень богатые из северной Голландии, решили, по моему совету, употребив на то значительныя денежныя средства, устроить большое поселение в Херсоне, или в Очакове, или в Крыму, и послали с этой целью человека, на котораго можно положиться, в эти отдаленныя края, чтобы изследовать все нужное на месте. Этот человек теперь вернулся, но в виду положения, в котором он нашел данцигских меннонитов, несмотря на обещания, сделанныя покойным князем (Потемкиным) и утвержденыя самой императрицей, он представил такой плачевный доклад, что я его не мог читать без слез. Из этого до-

-----
¹⁾ Журнал Министерства Госуд. имуществ 1854 г., август: „Историческое обозрение водворения иностранных поселенцев в России“, 65 стр.

клада видно, что он нашел большинство этих несчастных людей живущими еще в землянках, и по прошествии четырех лет у них все еще нет строительного материала и денег, так что многие от отчаяния, вызванного обращением губернатора Синельникова, умерли, а другие отказались от всякой надежды избавиться от голода, страшной нужды и прочих ужасных вещей" ¹⁾).

Несмотря на тяжелые испытания, которым подверглись меннониты в России на первых порах, переселение в нее их единоверцев из Данцига не прекращалось. С 1793 по 1796 год прибыло в Россию еще 118 семейств, составивших *второе водворение* меннонитов.

Так как на острове Хортице и лежащих на правом берегу Днепра дачах имелось всего лишь 20,000 десятин земли и, следовательно, для поселения здесь всех меннонитов, если считать по 65 десятин на каждое семейство, её не хватало, то депутат Геппнер просил правительство об отправлении части меннонитов „на избранное ими прежде против Бериславля место". Но еще более желательным выходом из этого затруднения Геппнеру и его доверителям представлялось переселение русских крестьян из деревни Хортицкой на другое место: во-первых, тогда все меннониты могли бы поселиться в дачах Хортицы, а во-вторых, в оставленных крестьянами домах они „на первый случай могли бы" „иметь пристанище" вместо неудобных землянок ²⁾).

Правительство, впрочем, несмотря на все свое расположение к меннонитам, не сочло возможным согласиться ни на ту, ни на другую меру. Из 118 семейств второго водворения 86 семейств было поселено на Хортице, а остальные 32 семейства в 1797 году составили две отдельные колонии: Шёнвизе (17 семейств) в Александровском уезде и Кронсгартен (15 семейств) в Новомосковском уезде.

Меннониты второго водворения прибыли в Россию со значительными денежными средствами и привели с собою более 400 голов лошадей и некоторое количество рогатого скота хороших иностранных пород; сверх этого они своевременно получили и обещанную правительством ссуду. Поэтому прибытие их сильно ободрило упавших было духом их единоверцев первого водворения, которые теперь же, одновременно с

-----
¹⁾ Москов. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.: Дела колонистов 1786—1792 гг.

²⁾ Государственный Архив: изложение прошения Геппнера (по-русски).

меннонитами второго водворения, получили всю недоданную им раньше долю ссудных денег. Мало -по -малу меннониты обзавелись домами и необходимым хозяйственным инвентарем, усердно занялись хлебопашеством и получили возможность обходиться собственным, не покупным хлебом.

Так посеяны были нашим правительством первые семена немецкой, в частности меннонитской, колонизации на юге России, давшие впоследствии обильные всходы.

Вторая турецкая война в царствование Екатерины II, прервав на время дальнейшее переселение меннонитов в Россию, вызвала иммиграцию в нее христиан из Оттоманской империи.

По взятии Измаила переведено и добровольно перешло на нашу сторону 46 человек христиан (в том числе 24 человека „пилипонов", т.-е. русских старообрядцев); в продолжение „экспедиции Исакчинской" выведено 183 семьи. Затем последовали переселение армян из Измаила: по 24 сентября 1791 г. выехала оттуда 91 армянская семья для водворения в Новом Дубосаре. Генерал-поручик Голенищев-Кутузов приказал бендерскому коменданту барону Вестфалену временно поместить часть армян в Бендерах, „принявши их в особое покровительство" ¹⁾.

В ту же войну, по распоряжению Потемкина, „взято из разных мест" по реке Дунаю 831 семейство болгар для поселения по левому берегу Днестра, во вновь приобретенной от Порты области. По так-как из числа их 58 семей убежали в Молдавию, то после этого „все сомнительныя и наклонные к побегу" болгаре в числе 287 семей (873 души взрослых и 103 малолетних обоого пола) были переведены на левую сторону реки Буга „и поселены там по местам выгоднейшим, самими ими избранным. Для их тамо всегдашняго с ними пребывания и способствования к доставлению им всего потребнаго" в 1792 году определен был отставной капитан Савва Бадюл, „человек испытанной в усердии к службе и имеющий свойственную к тому способность". Жалованье ему было определено в размере 250 рублей в год. На построение домов и обзаведение скотом и земледельческими орудиями поселенным по Бугу болгарам, по докладу графа Платона Зубова от 12

-----
¹⁾ Московское Отделение Архива Главного Штаба, № 555, опись 194.

октября 1794 года, выдано было 13.282 рубля 50 копеек в беспроцентную ссуду, с обязательством погасить ее в течение трех лет по миновании десятилетней льготы от податей ¹⁾).

В следующем 1795-м году графом Зубовым, на основании ранее изданных манифестов о вызове иностранцев в Россию, были выработаны „два положения о устройении в г. Одессе и окрестностях онаго селений единоверных нам народов". Первое положение касалось греков и албанцев, „кои, служив ... в прошедшую (2-ую) с Портою Оттоманскою войну в Средиземном море, многими пожертвованиями и кровию запечатлели усердие к престолу"; второе же относилось к тем, кои из разных заграничных мест восхотят в Одессу переселиться и тамо основать себе жительство с некоторым со стороны казенной вспоможением".

Смена лица на посту главного начальника Новороссийского края (замена умершего Потемкина Зубовым) не отразилась таким образом на судьбе колонизационных мероприятий правительства, так-как вдохновительницей их была сама императрица. Выразив еще до вступления на престол свое глубокое убеждение в необходимости увеличения населения в России, Екатерина осталась верна ему до самой своей кончины: совершавшийся в её царствование рост русской государственной территории, в особенности же включение в её состав обширных, но малонаселенных земель на юге, которые путем колонизации нужно было пустить в народно-хозяйственный оборот, поддерживали императрицу в решимости следовать раз принятому ею направлению своей политики народонаселения.

Результаты этой политики, имеющие наступить для колонизируемых земель в недалеком будущем, рисовались её сподвижниками в самых радужных красках. „Местоположение высочайше вверенной управлению моему Вознесенской губернии ¹⁾), писал Платон Зубов в своем докладе императрице, „подавая многие способы к привлечению иностранных народов для заселения лежащих тамо впусе пространных мест, удостоверяет меня несомненно, что, при попечительном ободрении заселения оной и приведении в силу и деятельность торговли черноморской, сия плодоносная страна вскоре придет в то цветущее и изобильное состояние, к коему доброта земли и удобство к

-----
¹⁾ Московский Отдел Общего Архива Министерства Императорского Двора; Архив Кабинета Её И—го Величества, дело № 130, опись № 390.

²⁾ Территория, приобретенная от Турции по Ясскому миру 1791 г.

мореплаванию ее предназначили. Благорастворение воздуха, способное к произрастанию многих из тех произведений, кои в полуденных местах прочих частей Европы рождаются, а паче шелковичных деревьев и виноградных лоз, плодородие земли, которая при возделании вознаграждает в благоприятные годы труды земледельца со сторицею, пространная и изобильная степи для разведения лучших родов рогатого скота и овец, нахождение ее при берегах Черного моря, доставляющее обитателям всю удобность и облегчение к выгодной продаже избытков их, — суть выгоды, коими каждый поселившийся на сих землях может в полной мере воспользоваться, и которые обнадеживают, что употребленные на вспоможение их издержки возвращены будут по миновании обыкновенных льготных лет без отягощения, и что впредь будут платить установленную подать бездоимочно" ¹⁾).

Екатерине не суждено было видеть осуществление этих широких планов и надежд, так как в следующем - же 1796-м году она скончалась. До известной степени они воплотились в жизнь лишь при её внуке Александре I, в эпоху, стоящую уже за пределами настоящего нашего труда.

-----
¹⁾ Московский Отдел Общего Архива Министерства Императорского Двора: Архив Кабинета Его И—го Величества, дело № 254, опись № 390, доклад Зубова от апреля месяца 1795 г.